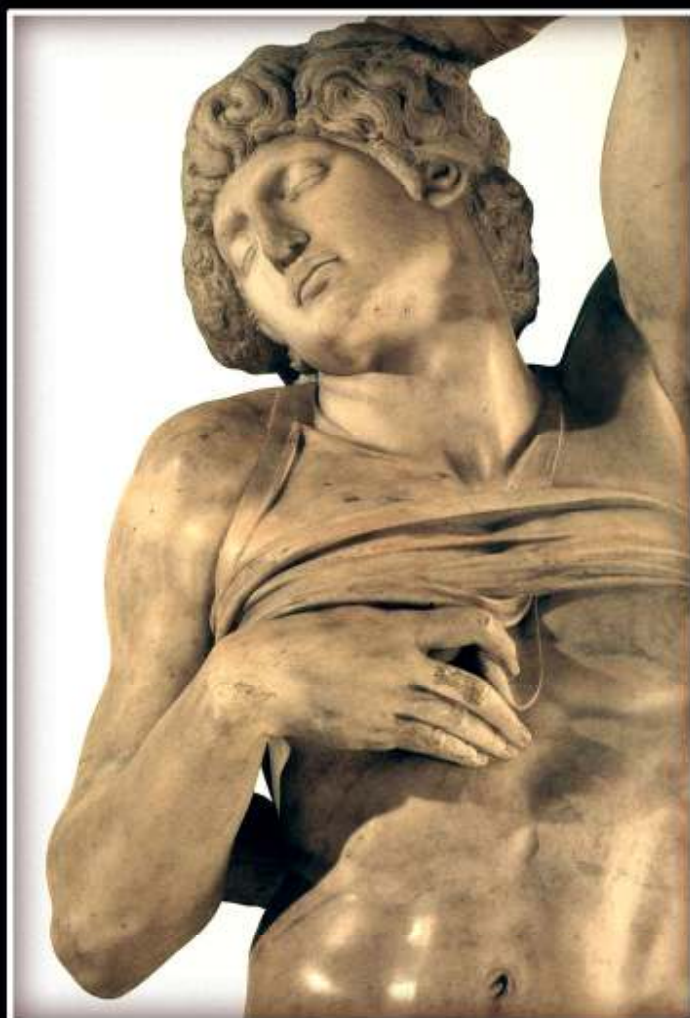

**НОВЫЙ
РЕНЕССАНС**

3(5)2011

ПРОСТО МЫСЛИ НА ТЕМУ

Расставлю точки заранее. Я не литературный критик и не искусствовед. Обычный читатель. Просто есть темы, которые меня (думаю, еще многих и многих) волнуют. Можно, грустно вздохнув, скорбно произнести: «Что поделаешь? Время сейчас такое. Ну, словом падение нравов, общая бездуховность, власть денег и т.д.». Возможно. Высказывая свое мнение, надеюсь на отклики. Может быть, сгущая краски и не все так плохо?

— Прочла я новый бестселлер Коэльо.

— Вау! Конечно! Это же Коэльо!

— Дааааа! А я сейчас перечитываю Мураками.

— Ну?

— Как всегда, The Best.

— А мне очень понравилась новая книга Улицкой.

— А кто это?

(Москва. Диалог в офисе)

Как же мы раньше без бестселлеров обходились? И в самой читающей стране мира? Так и слышу хорошо поставленный голос: «От создателя «Евгения Онегина» и «Сказки о царе Салтане»! Новый бестселлер Александра Пушкина «Капитанская дочка»!

А Людмила Улицкая пишет просто хорошие книги. Выучить и произнести фамилию «Коэльо» как-то круче. Все равно, как сказать в ресторане: «Дайте роллы, мохито и тирамису». Вместо: борщ, котлету по-киевски и пирожок с яблоками. Мы хотим вести себя как европейцы. Упуская из виду, что житель Европы так себя не ведет.

— Саш, сегодня по телику будет советский ужастик!

— Как это?

— Ну, фильм ужасов, триллер. Только советский.

— Как называется?

— Да не помню я! Там еще тетка будет в гробу летать, так в аннотации написано.

(Из разговора моего сына с одноклассницей. Речь идет об экранизации Гоголя «Вий»)

Насколько я помню, «Николай Васильевич Гоголь» входит в школьную программу по литературе. Не спорю, кто-то любит читать классику, кто-то нет. Но есть произведения и писатели, не зная которые — дикость! Спасибо, телевидение обратилось к экранизации русской литературы. Хотя, сомневаюсь, что большинство подростков в состоянии сделать адекватный выбор между фильмами «Братья Карамазовы» и «Аватар».

— Добрый день. Чем я могу вам помочь?

— Я ищу книги Инны Булгаковой.

— Инны? А разве писателя Булгакова зовут не Михаил?

— Вы меня не совсем поняли. Мне нужны книги писательницы Инны Булгаковой.

— Ммммм... А что она пишет?

— Психологические детективы.

— Ой, так возьмите Шилову или Донцову, у нас большой выбор!

(Москва. Книжный магазин)

В том-то и драма, что выбора нет. Без вариантов. Раньше достать книгу

было сродни рыбалке: повезет — не повезет. Достанешь — не достанешь. За переплату, по знакомству, сдав 20 кг макулатуры. И счастье! Вот она, КНИГА! Сейчас любой книжный магазин — супермаркет, а что толку?

Ну, ладно, с взрослыми все понятно. Объяснять «гламурной» девице, в чем разница между книгой Дины Рубиной и пособием «Как влюбить в себя олигарха», напрасная трата времени. Но дети! До определенного возраста их выбор не самостоятелен.

— Игорек, а какие тебе книжки нравятся? Про зверей, стихи или сказки?

— Не-е, мне нравятся мультики про человека-паука и «Шрэк».

— Неужели ты книги совсем не любишь?

— Ну, нравится одна, там картинки смешные. Какие у разных зверей кашки. Я теперь знаю, как бегемот кашкает, как собака. Увижу кашку и сразу узнаю, кто накакал.

(Москва. Разговор на детской площадке)

Действительно! Это очень познавательно! Как ребенок будет жить и развиваться без этих знаний? Наступит на улице в «бьяку» и не сможет определить чья, ужас!

— Пока мы с вами будем заполнять карту, я могу дать вашему ребенку книжку.

— Да ну, книжку! У него PSP с собой.

(Москва. Психолого-медицинский социальный центр)

Муха, муха, Цокотуха,
Позолоченное брюхо.
Муха по полю пошла,
Муха денежку нашла...

— По-правде нашла деньги? И дальше что с ней случилось? Расскажи.

— Оля, это же сказка про муху, ты что, не знаешь?!

— Не-а. Ну, расскажи, что муха-то с денежкой сделала?

*(Москва. Занятие логоритмикой
с девочкой 5 лет)*

Ну, и ладно. Подумаешь. Вырастет — будет бестселлеры читать. А то, какая-то муха. И потом, сейчас мультик можно поставить. Например «Алеша Попович и Тугарин-змей». (Практически, «Шрек» а-ля рюс). И родители так откровенно радуются, что приобщили ребенка к русской культуре. А прочитать с милым дитятей книгу о богатырях? Ну, понятно, мультик лучше, не надо сидеть рядом и тратить свое время.

В 90-годы издавался замечательный журнал для подростков и молодежи «Парус». Купить его было невозможно, только по подписке. Как же мы бережно собирали все номера! Там печатались молодые авторы. Замечательная проза, стихи, статьи о рок-музыке. Журнал издавался в Белоруссии. Много раз пыталась найти его в интернете, но наткнулась только на тех, кто ищет архивы журнала...

Когда в журнале «Молодая Гвардия» напечатали «Интердевочку» Кунина, достать его стало практически невозможно. Один номер «кочевал» по зна-

комым, с жестким условием: «Даю на один день, люди ждут».

Жаль, что сейчас никто не ждет очереди почитать. Ведь тогда не просто листали. Читали и обсуждали. А теперь надо просто сказать: «Читал Пелевина, Сорокина, Стогова». Но при этом обсуждать никто не торопится. Главное, отметился. Прочитал, наверное, по диагонали.

Самое интересное, что соотечественники, в силу обстоятельств живущие за рубежом, очень трепетно относятся к книгам. Создают библиотеки, организуют встречи и продолжают получать истинное удовольствие от КНИГИ.

Кстати, можно отметить еще одну интересную особенность. У меня много знакомых, которые живут в разных городах России. Когда начинаешь общаться, то понимаешь, что молодые люди читают! 16-ти, 17-ти летние читают мировую классику, высказывают мнение о прочитанном. Советуют другу другу, что прочесть. Обсуждают героев произведений, сочувствуют или порицают. Давно не сталкивалась с этим, — умилилась, как старушка котенку.

Наверное, в Москве ночных клубов больше. С интересом узнала от группы московских подростков, что «Полковнику никто не пишет» — текст песни группы БИ-2. Ну, и славненько. Как сказал герой фильма: «Если ребенок учится плохо, то хотя бы пусть одевается хорошо».

А теперь, для тех, кто к литературе относится уважительно и сам стремится приобщиться к разумному, доброму, вечному. Начинающие (и не очень)

писатели почти всегда реагируют на словосочетание «Литературный конкурс». Каждый хочет «людей посмотреть и себя показать». Вполне оправданное желание, сама не без греха.

Читаешь условия, и... А вот насчет «и» поподробнее.

— Прежде чем ваша работа будет принята, наши модераторы тщательно проверят ее на соответствие правилам.

(Логично)

— Если у вас возникнут вопросы, пишите на форум, ответим каждому.

(Замечательно!)

— Шорт-лист будет опубликован «****». Итоги конкурса «****». Награждение «****».

(Отлично)

— Наше жюри: *****.

(Ух, ты! Здорово!)

А теперь, из переписки на форуме:

— А прочтите мою работу.

— Ну, прочел. Фигня полная.

— А мне нравится. Ты сам фигня.

— Не умеешь писать, не берись. Ты даже слово «корова» пишешь через «а».

— Тебя что, проверять назначили? За собой посмотри!

— Гы-ы-ы. Аффтар жжот! Убейся ап стену.

— Господа, это же ЛИТЕРАТУРНЫЙ форум!

— Тебя кто-то спрашивал? Сиди там, молчи! Не мешай людям общаться!

— Уважаемые админы, сегодня должен быть шорт-лист. Уже полночь.

— Админы, уже три дня прошло, где лист? Админыыыыыы!

— Что вы скандалите? Будет вам лист, но потом, позже.

— Админы, сегодня месяц, как вы обещали лист!

— Что вы дергаетесь? Сказали вам, будет. Заняться нечем, что ли?

— Вы говорили, что рассказы проходят модерацию, а на сайте висит рассказ про дерьмо, с ненормативной лексикой?

— Это не ко мне. Я занимаюсь форумом.

(Шорт-лист появился через три месяца после заявленного срока)

— Админы, я победил в мини-конкурсе, а где мой приз?

— Подождите. Мы его отправим.

— Я жду и жду, а приза нет.

— А мы еще не отправили.

— Когда??????

— Нам сейчас некогда.

— Админы, я отправила оплаченную квитанцию за участие в альманахе. И — ?

— Мы не получали.

— Я уже три отправила!!!

— А, получили. Она потерялась просто. Мы вам альманах пришлем.

— Когда?

— Позже.

— Это мое ПЯТНАДЦАТОЕ сообщение! Где мой альманах?!!

— Не знаю. Все получили.

— Отзовитесь, кто получил!!!

— Да расслабься, никто не получил. Может, еще и вышлют. Мне уже по фигу.

Свои рассказы с конкурса сняли больше половины участников, я последовала их примеру. Этот конкурс — не единственный. Поэтому была приятно удивлена «Русским Stil-ем».

— Уважаемая ***** , мы получили ваши материалы, но никак не можем открыть файл. Пожалуйста, попробуйте отправить текст еще раз.

(Компьютер у меня недавно. Не могла толком отформатировать)

— Уважаемая ***** , ваши материалы получены, файл открылся, спасибо, удачи в конкурсе.

(Лонг- и шорт- листы были объявлены в точно указанное время)

— Пожалуйста, вышлите мне альманах фестиваля по адресу****, оплата переведена.

— Деньги получили. Альманах отправлен ****числа. Обязательно сообщите о получении. С уважением...

(Из переписки с организаторами фестиваля «Русский Stil»)

Поскольку разница слишком очевидна, я свой выбор сделала.

Получается, как у Ильфа и Петрова: «...Заграница нам поможет».

Литературные мероприятия, конкурсы, презентации... Не знаю, как выгля-

дят литературные презентации за рубежом. Недавно была на мероприятии в Москве. Молодые поэты представляли сборник стихов. Гостей (даже перечислять не буду) было мало. А зачем знать про новых поэтов? Ни тебе светской тусовки, ни именитых гостей, ни бесплатного шампанского. Вот если бы «выдающиеся» писательницы с Рублевки с очередным шедевром, вроде: «Любовь олигарха» или «Как развести богатого мужика на деньги». Вот это было бы познавательно и интересно. На шмотки посмотреть, среди «белых» людей покрутиться, перед знакомыми козырнуть.

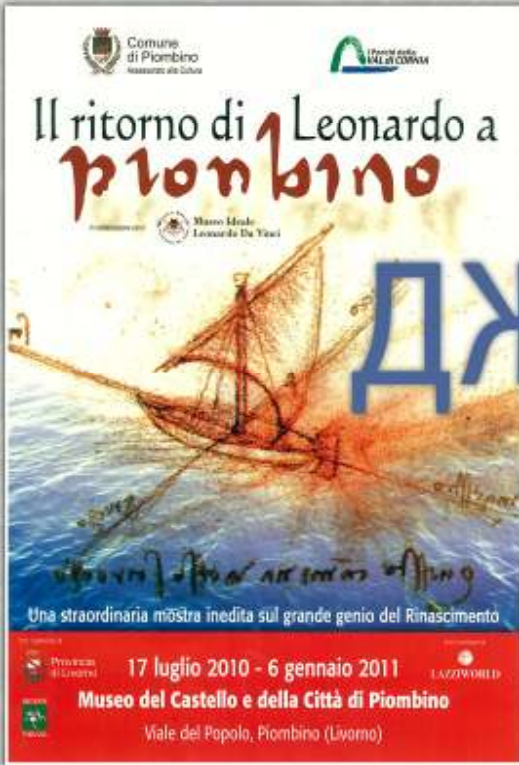
Ладно, высказалась. Ничего личного. Продолжаю читать хорошие книги, общаться с очень интересными (но мало кому известными) авторами «Прозы.ру» и с удовольствием участвовать в проектах «Русского Stil-я». Пусть не побеждают в конкурсе, — общаться приятно.

Алиса Орлова-Вязовская, член МГП

От редакции: Дорогие друзья, приглашаем вас поддержать разговор на предложенную автором тему. Напишите нам, что вы думаете обо всем этом? Поделитесь своими мыслями.

Электронный адрес для писем:
postmaster@schriftstellergilde.org

В СТИЛЕ ДЖОКОНДО*

В январе прошлого года я посетила Дом, где родился Леонардо да Винчи, километрах в пятнадцать от Эмпольи, но лишь полгода спустя, в Пиомбино, мне открылся смысл «Сада» и «Лабиринта» да Винчи.

Координатор интеграции:
— Giochiam a scacchi? **
(«Сущий сюрреализм»)

...создавать из дробности целостность,
которая преодолет и уничтожит разброд.
(Экзюпери. «Цитадель»)

1

Пиомбино — мыс, давший название проливу, отделяющему материк от острова Эльба: здесь встречаются Лигурийское и Тирренское моря.

Город Пиомбино красивый и умный. Его визитная карточка — площадь Бовио: высокая, гордая, стремительная — словно корабль, длинным корпусом рассекающий волны. Приютившись в самой крайней точке мыса, грустит о былой славе средневековая Сторожевая башня с маяком. Рядом с нею, на асфальте, раскинулась веселая старинная карта с островками, название которых наизусть знает не каждый итальянец, и с известными всему миру Монте-Кристо, Эльбой и Корсикой.

Готовясь к фейерверку, пиротехники перекрывают носовую часть площади-корабля, а в центре площади обычно устраивают концерты. Левый борт служит идеальной смотровой площадкой для желающих обозреть не утруждающих себя поиском более укромного места туристов: новичков, включая и тех, кто умеет читать, так и тянет постоять у самого моря под табличкой: «Берегись камнепада!»

Пиомбино — земля этрусков-железодобытчиков, но фасад Археологического музея украшает поднятая со дна Тирренского моря серебряная сирийская амфора.

Герб свидетельствует о независимости Княжества Пиомбино и, читая надпись на моей майке, пиомбинцы задают правомерный вопрос: «Синьора, вы знаете, где Флоренция?»

Пиомбино — город-труженик, где на действия российского миллиардера и мажоритарного акционера Lucchini SpA А. Мордашова могут ответить забастовкой.

А еще — всемирно известный грузовой порт и перевалочный пункт для туристов, но над городскими пляжами реют голубые флаги: свидетельство чистоты.

На одном из пляжей, в баре, вроде незнакомая женщина, предлагая мне чашечку кофе, спросит: «У вас все такая же вкусная сметана?», — и я расскажу ей про флорентийку Моннику Рокки, которую не видела лет пятнадцать. «Я —

Моника Рокки!» Не понимаю. «Я: Моника Рокки! Ты — кто?!» Так будет в финале, а вначале я знакомлюсь с непутевым длинноволосым мирным наркоманом, которого окрестила «Вовкой», чей объемистый кошелек с деньгами и документами я нашла и отнесла карабинерам, на что те заявили: «Синьора, вы — честная: обычно приносят пустой кошелек и документы», — и составили акт.

У бара «Фалезия», напротив сработанного самим Леонардо Равелина, с утра до ночи толкутся два здоровенных лба без роду и племени, под двух собачек выпрашивающие деньги на выпивку у прохожих и у «Вовки», и им за это ничего не бывает. Кстати, в отцовской пекарне за ночь «Вовка» зарабатывает больше, чем я у себя дома за месяц. Может, привирает.

2

Городу не чуждо явление badante — иммигранток, преимущественно из Западной Украины и Польши, ухаживающих за пожилыми людьми на дому. Сиделка-итальянка избилла старушку. Чужестранки сдувают с клиенток пылинки, любят их и, по крайней мере, боятся потерять работу. У Алины истерика: «Ona m'owie: "Sei cattiva!!!"» Люда утешает: «А ты что хотела?»

Знакомые мне badante изъясняются на достойной специального изучения удивительной смеси украинского, русского, польского и итальянского. Читают запоем. По вечерам смотрят мультфильм «Маша и Медведь» (кто поверит?), а днем Машу цитируют. Смотрят серьезные фильмы. Временами впадают в депрессию. Стойкие женщины! Умудряются жить целый месяц на двести евро вдвоем с бабушкой. Приглашают меня домой на типичный итальянский ужин «с кавунчиком» и «на дринка» в бар на площади Бовио, где от рассвета до заката гуляет бесшабашное солнце и где платят только за выпивку, а закуску берут со шведского стола — самобранки. Люда любит уходящим светилом: «Ни разу не повторилось!», — и слушает бессмертного Лорку и ныне здравствующего Раверу в моем переводе. Восхищается: «Чувствую: ты их любишь!»

Итальянки по барам не ходят. Они задают вопросы: «Зачем украинки здесь? Почему они там оставили все? Почему крадут наших мужей, выходят замуж за восьмидесятилетних? Это гадко! Италия маленькая и великодушная, слишком... Слишком много иностранцев, Ольга...»

Китайцы в Прато купили текстильную фабрику и гонят с нее итальянцев. Старичок из Эмпольи выиграл в лото крупную сумму и законсервировал ее для будущей сиделки. Молодой дипломат, эмполиец, заявляет: «Наши старики — наш долг», — этот же дипломат выступает против искусственного вскармливания младенцев, саботируя в целом продукцию фирмы Nestlé.

Еще итальянки спрашивают, зачем русский турист на Эльбе оставил официанту чаевые, многократно превосходящие сумму, означенную в счете? Мой ответ ставит в тупик: «Были б деньги: я тоже оставляю!» Мои поездки оплачивает исключительно итальянская сторона: постигаю высшую степень свободы гостей.

Наблюдение Клары — остающейся в строю переводчицы времен второй мировой войны: «Итальянцы — как спички: гаснут так же легко, как вспыхивают». Грубый, но дельный совет пожилого тосканца: «Tieni le gambe strette!». Портрет завершают штрихи моих сегодняшних украинских подружек: «Итальянские мужчины страшно избалованы: филиппинки, вьетнамки, китайки, кубинки, бразильянки, украинки, польки, молдаванки, румынки... Все, что было толкового — за десять лет отфильтровано и прибрано к рукам, а беспутных хватает и дома!»

Пятидесятипятилетняя туристка из Турина, обладательница молодого красивого умного мужа-сенегальца, вопросов не задает: она утверждает.

3

Искусство в Италии принадлежит народу. Пиомбино встретил меня Фестивалем «Импроттеатро-2010. Inedito»: четыре вечера в Равелине. Гость фестиваля — мадридец, Омар Архентино Галван де Буэнос-Айрес, — в майке с флагом Родины и названиями латиноамериканских стран, где проходят импро-фестивали. Заговорить с ним о главной для меня в его стране теме — диктатуре Виделы — я не решаюсь.

Актеры выделяют меня, в числе прочих, из публики за экстраемальную (цвета «фиолетовая звезда») шевелюру,

осторожно назвав «рыжеволосой синьорой в красной кофточке» (явно лилового цвета). В тот последний вечер в Равелине я еще не знала, что синьор красят в преимущественно классические цвета: черный, белый и натуральный, оставляя прочие краски для экспериментов над подростками и недорослями, и что через пару недель мне предстоит познакомиться с украинкой Надей, которая пострижет меня и перекрасит в радикально черный цвет — конфиденциально, но бескорыстно.

«Импроттеатро» сменяет Тосканский международный. После очередного концерта остаюсь на площади, чтобы побыть немного в обступившей кумиров толпе и беспрепятственно пожать им руки, а в это время на подступах к площади разыгрывается бой марокканских гладиаторов: в течение получаса два темнокожих парня методично избивают друг друга, а насмерть перепуганные зрители тщетно пытаются дозвониться в полицию. К моменту моего появления на поле боя один боец сбежит, другого увезет карета скорой помощи. Догадаться о том, что минуту назад здесь происходило что-то поистине варварское, можно будет только по стоящей полукругом оцепеневшей толпе и валяющейся у стены Старого Дворца окровавленной майке. Наутро я прочту в газетах о чудовищном побоище и о том, что предпочла бы не знать: город находится под защитой всего двух нарядов — карабинеров и полиции, потому что на дополнительную охрану у Муниципалитета нет средств. Правда, в Пиомбино никогда ничего подобного не случилось. Один молодой человек признался, что за двадцать прожитых здесь лет, он впервые испугался. Следует, однако, помнить, что у подножия площади Бовио марокканец спас тонущую badante: в демократической стране каждый вправе распоряжаться собственной жизнью.

Еще через день в Равелин приходит «Пиомбино Джаз и другие ноты»: Fabrizio Poggi&Chicken Mambo, Bobbybluesband, Tuck&Patty... Бразильянка Таня Мария выступает на площади Верди, где из соображений безопасности публика слушает концерт стоя. На ее фоне в тот вечер остается незамеченным выход клоуна на высоченных ходулях. А назавтра, на пляже, по старой русской традиции, бесстрашно заплыв подальше в море и поглядывая на берег, я заметила невысокого человека, необычайно радостно суетившегося,

то и дело подбегавшего с фотоаппаратом к отдыхающим и просившего сделать снимок. Именно безудержная детская радость выделяла его из толпы. Часа через полтора, когда на пляже практически никого не осталось, я вышла из воды, и мужчина бросился ко мне Маленьким Принцем: «Пожалуйста, сделайте снимок на фоне корабля!» Объясняю, что снимаю против солнца, и попутно замечая: «Вы говорите по-испански». «Вы тоже?!»

Оказалось, мама у мужичка — чилийка, папа — аргентинец. Только теперь обращаю внимание на выбивающиеся из-под его кепки вьющиеся каштановые волосы, на круглый овал его лица, на кожу и глаза индейца. Узнав, что я из бывшего СССР, гордо достает визитку и представляется: «Владимир Ильич». Как умудрился он выжить в Чили и в Аргентине с таким именем!? Разумеется, отец симпатизировал Советскому Союзу. Ему самому нравится Чавес: нефтью и социальными программами. Один брат Ильича убит на стадионе в Сантьяго-де-Чили в семьдесят третьем, другой отстаивал Мальвинские острова. Тезка вождя делится обидой: «Аргентинцы упекают: «Понаехали!», итальянцы...»

Имена у детей Владимира Ильича индейские. Имея две родины за плечами, он гастролирует по Италии. Хочет играть серьезные вещи. Зарабатывает на жизнь, возносясь над толпой. На кепке — портрет Че Гевары, на рюкзаке — надпись «Кечуа». Он не из белых, не из красных: он политически свободен. Все свое носит с собой: велосипед, спальный мешок, ходули. Делает вид, что ночует не на пляже. Пару дней проведет в Пиомбино — и на Фоллонику! Одобряю выбор: там много детей и практически на пляже — памятник Гарибальди.

4

Жемчужина выставки «Возвращение Леонардо в Пиомбино: Inedito» — «Обнаженная Джоконда», недавно обнаруженная и реставрированная, — оригинальная работа из мастерской флорентийца. В Музее Замка ее надежно спрятали: она открывается из-за «сферики» совершенно случайно, когда поднимаешься по лестнице для осмотра основной

экспозиции музея. Эффект поразительный! Однако обозревающие шедевр итальянцы не в восторге. «Niente»****, — ворчат они и советуют посетить Лувр.

Мысленно возвращаюсь в Идеальный музей Леонардо, к не «открывшемуся» мне в январе филиалу под открытым небом. Гид не сумел донести идею? Я осталась глуха? Выбралась в неудачное время года? Зима выдалась снежной и дождливой? Всей душой стремившаяся в Винчи, я смотрела на ухоженные холмы на подступах к ним и не видела ничего необычного в геометрически выверенном с помощью спутника тосканском пейзаже. У моих ног простирался реальный филиал воображаемого музея, а я, принимая его за очередное идеальное сельхозугодье, не ступила в «Сад Леонардо и Утопию», утверждающие универсальность культуры творчества; не соприкоснулась с «Лабиринтом Винчи» и с «Узлом бесконечности из Роз» — не просто намеком на деталь-украшение платья «Джоконды», а двумя переплетенными знаками бесконечности, выполненными в тысяча двухстах кустах разноцветных роз, цветущих с мая по октябрь, считающихся подписью в фигуральном смысле, абстрактным автопортретом ЛДВ и узлами, связавшими его с малой родиной, «узлами знания»; не прошла «Тропью деревьев и цветов» Бруно Мунари, выполненной в форме леонардовской спирали из растений, выбранных выдающимися людьми планеты по критериям абсолютной поэтической, символической, эстетической и аффективной свободы. Niente.*****

5

Леонардо пробудет в Пиомбино до окончания Бефаны. Мой отъезд совпадает с отъездом «Джоконды». Направляюсь в Музей Замка прощаться с шедевром и по дороге знакомлюсь с новым для меня в Италии явлением — двумя только что прибывшими интеллигентными, оптимистично настроенными москвичками — badante, которых приняла бы за менеджеров или переводчиц А. Мордашова: в ином контексте.

Ольга Равченко, член МГПТ

* Веселый, жизнерадостный;

** [Джекьям а скакки] Сыграем в шахматы?

*** Она говорит (польский): «Ты плохая!» (итальянский);

**** Беспрецедентный, единственный в своем роде, неизвестный;

***** Ничто, совсем не то, никакая, что поделаешь.

Передо мной лежат записи воспоминаний моего отца, не претендовавшего ни на что более, кроме желания поделиться ими с людьми. В них, в этих воспоминаниях, как в лицах стариков, в их глазах — есть неповторимое обаяние, которое всегда смягчало трагический опыт человеческих ошибок. Нам нужно только задержаться возле них, вчитаться в смысл без раздражения и страха потерять время, словом, ответить вниманием. Потому что это их память, гордость за свою жизнь и, может быть, тревога за нашу.

Анатолий Сигалов

МОЙ ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ...

Мне было, кажется, двенадцать лет, когда шепнули, что его расстреляли как врага народа. И я впервые почувствовал, как болит сердце.

Мы жили тогда на Подоле — это было почти местечко в Киеве, где в лавках, парикмахерских, сапожных и швейных мастерских работали евреи. Казалось, что не евреем был только дворник Петрович, удивительно мирно и добродушно приветствовавший всех, кто проходил мимо: «Здорово, Ефим... Доброго здравия, Самойловна!». Подол жужжал местечковым говорком, на котором свои первые слова произнес и я.

Время было веселое, 1919 год. Власть постоянно менялась — с пальбой, музыкой, криками, налетами и погромами. Когда на улицах стреляли, люди прятались, когда играла музыка — высыпали из домов. Мимо с гоготом проносились всадники — уса-

тые смеющиеся дядьки в пулеметных лентах, с желто-голубыми, зелеными, иногда черными флагами. Они громили дворы и бакалейные лавки, напились, буянили, затем исчезали из города. Потом появлялись строгие большевики в перепоясанных кожанках и, смешно сидевшие на лошадях, матросы. С их приходом всегда лили дожди, стояла грязь. Они ругались матом, что-то строили, арестовывали людей и обещали, что пришли навсегда. Люди мучились, по-настоящему мучились от войны, голода, непонимания, что происходит...

Мой отец, рыжий коренастый еврей, всегда работал. Рано утром нас с братом будили, когда он, стоя у двери с деревянным чемоданчиком, говорил: «Роза, я ушел». А вечером он возвращался, ставил чемоданчик на пол и, протягивая руки даже к холодной печ-

ке, сообщал: «Роза, я пришел». И нас отправляли за ширму в койки. Отец никогда не болел, не ругался, я никогда не видел страха или ненависти в его глазах. Только усталость. Мать — «тетя Роза», как ее звали соседи, всегда всплескивала руками, если мы шлодили, или теребила подол юбки и умиленно поглаживала нас по головам, если были хорошие новости. Она всегда была «тетей Розой», даже тогда, когда еще юной девушкой вышла за отца замуж. Наверно, они любили друг друга — я не помню их бесед, споров или проявления чувств. Впрочем, отец был даже застенчив при ней, а мама могла, всхлипывая, долго-долго на него смотреть.

Однажды отец пришел позже обычного. Он был не один. «Это ребе Шломо», — тихо сказал он и осмотрел семью. Все молчали. Подрагивающее

пламя свечи освещало две алюминиевые кружки на деревянном столе, нарезанное яблоко и застывшие в любопытстве лица. От этого натюрморта пахло вечностью. О ребе мы слышали много, но видели впервые. Он был в черной шляпе, потертом черном костюме и шинели поверх. Он вдруг посмотрел на меня — сидевшего, вытянув шею, в полуосвященном углу, и произнес: «Гершлю надо учиться». Улыбнувшись в бороду, обратился ко мне: «Ты хочешь учиться, Гершль, или останешься алох ин копф?». Все засмеялись. «Ты знаешь, что такое Тора?». «Нет». Ребе Шломо вздохнул: «Хорошо, я приду завтра». Так все началось.

Ребе приходил три раза в неделю, по вечерам. Он всегда шутил и что-то напевал, даже пританцовывал. «Что есть Бог?», — вопрошал он, подвигая перебинтованные очки короткими грязными пальцами к переносице, глядя на нас насмешливо и печально. «Это самое доброе в каждом из нас...».

В остальное время он совершал поступки. О них соседская девушка Лиза Пинчук громким шепотом поведала маме. Мы слушали, понимая, что у ребе Шломо есть какие-то страшные тайны и важно переглядывались, ощущая себя причастными к ним. Однажды он прятал у себя в подвале больного тифом красноармейца от белых. Потом прятал хлеб для голодных детей улицы от красных. Потом — избитую, полуживую «девку», подобрав ее где-то по дороге в Русановку. Он выхаживал ее у себя дома, пока соседи не донесли в ЧК. Ночью она ушла. Тогда его арестовали первый раз: избили, допро-

сили и отпустили. Через неделю он снова появился у нас с занятиями. Он рассказывал о стране на Востоке, которую Бог дал евреям и другим людям, и где есть Храм.

Занятия проходили так. Ребе читал и долго втолковывал нам главу из Торы, мы медленно выводили текст на листках бумаги. Потом все вместе вырезали и клеили из них журавликов, и шли к Днепру. Там мы пускали журавликов в плавание. Ребе говорил: «Пусть они принесут слова Торы людям, может быть, кто-то поверит им и, может быть, будет счастлив...».

Потом ребе исчез. Злые языки говорили, что он уехал с той женщиной, которую выходил и спас от ЧК. Но дядя Павел, работавший в ЧК, однажды бросил: «Арестовали его... врагом оказался. Врагом народу». «Как?!» — закричал я и заплакал.

Пролетели годы. Я вырос и прошел другую школу. Я даже был комсомольцем. Я даже стал азартным атеистом и вдохновенно читал колючие иронические рассказы «про попов и их вранье». Такое было время. Образ первого учителя всплывал в моей памяти все реже и реже. Но если такое случалось, сердце на секунду замирало от горячего чувства обиды, потом становилось легко и, помимо воли, я чему-то улыбался...

Потом началась война. В первые же дни оказавшись в ее окопах, я получил тяжелое ранение и был демобилизован. Киевский университет, в котором мне осталось учиться один семестр, эвакуировали в Кзыл-Орду и я поехал вслед за ним. Многого пришлось пережить. Однако война, невзгоды, любовь и другие истории жизни постепенно разрушали во мне атеиста...

* * * * *

Анатолий Сигалов — журналист, искусствовед.

Автор книг, сборников рассказов, очерков, публицистических статей о киноискусстве, театре, изобразительном искусстве, культуре, о выдающихся личностях, а также — людях, чья деятельность пополняет культурный опыт современных человеческих взаимоотношений. До приезда в Германию, автор и ведущий популярных телевизионных программ «Синема-Фантом», о мастерах мирового кино, на телевидении Ростова-на-Дону, одна из программ получила приз в Брно (1994). Его статьи публиковались в различных изданиях России, Германии,

Италии, США. В 1995 году включен в Сборник международных биографий «Who is who», Кембридж, Англия. С 1997 года живет и работает в ФРГ, печатается в русскоязычной и немецкой прессе. Объектами его творческих исследований являются современное искусство и культура, на разных языках говорящие о проблемах, объединяющих людей.

В русскоязычных журналах Германии он пишет статьи на темы, отвечающие благородной идее полноценной жизни здесь наших соотечественников на основе исторических традиций и взаимопроникновения разных культур.

Кзыл-Орда наводила смертельную тоску своим устойчивым азиатским однообразием. Шли тыловые студенческие будни. Боль от ранения иногда становилась нестерпимой. Кто-то из сокурсников посоветовал обратиться к лекарю: неподалеку живет смешной старик, который лечит без лекарств, знает науки и рассказывает истории народов мира... Тогда я подумал о ребе. Однако жизнь не давала времени на чувства. Я забыл о старике, но однажды, проходя по узкой пыльной улице, я увидел в скошенном оконце одного из саманных домов висевших на нитках бумажных журавликов. Сердце екнуло и дыхание на секунду стало горячим.

Я заглянул во двор. Под навесом на выцветшем коврик сидели и смеялись дети, слушая сидящего напротив старика в толстом бесцветном халате. Когда я вошел, смущенно покашливая, разговор прекратился. Старик внимательно посмотрел на меня поверх мутных стекол перебинтованных очков, покачал головой, и вдруг насмешливо спросил: «Что, молодой человек, будем учиться или ты хочешь остаться алох ин копф?». И я, заплакав, бросился ему на шею. Это был мой учитель, мой старый ребе, и мне почему-то было стыдно смотреть ему в глаза... «Ребе Шломо! Это ты! Так тебя не расстреляли?!», — заорал я.

Хитровато прищурившись, старик сказал: «Может быть, это уже не я... Но ведь ты же Гершль, и у тебя есть вопросы? Садись, будем разбираться», — и улыбнувшись, он показал пальцем туда, где сидели дети.

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ

У нас в гостях член Международной гильдии писателей, поэт, публицист, Вадим Егоров.

— Вадим, наше с вами знакомство состоялось, когда вы вышли в финал конкурса «Русский Stil-2010», в номинации «Молодые дарования». Скажите, что вы почувствовали, когда узнали, что ваши произведения были выделены членами жюри и, возможно, вас ожидает звание лауреата? И как первоначально (когда только решили принять участие в конкурсе) вы расценивали свои шансы на успех?

— В своем творчестве я занимаюсь исследованием философских вопросов самобытия субъекта и возможности осознания им окружающей действительности, и передачи ее посредством творческой интерпретации широкому кругу читателей. Узнав, что мои произведения были выделены членами жюри конкурса «Русский Stil-2010», я понял, что мои исследования по этим вопросам не напрасны и их нужно продолжать. Изначально я не ставил перед собой задачи занять призовое место. Но было очень приятно узнать о том, что я добился успеха.

— Сколько вам было лет, когда вы написали первые стихи? Хотелось ли уже тогда вынести свои вирши на публику? Из кого состояла ваша первая слушательская или читательская аудитория?

— Я всегда знал, что буду причастен к литературному процессу. В раннем детстве я писал короткие рассказы, в 15 лет начал писать стихи. До 17 лет я не был уверен, что мои стихи достаточно готовы для того, чтобы представить их широкой слушательской и читательской аудитории. В то время моей «аудиторией» были родители, близкие родственники и друзья.

— Вы публикуетесь в сети? Если да, то что делаете для того, чтобы ваша аудитория там множилась?

— Я публикую произведения на сайте www.stihi.ru. Стараюсь, по возможности, принимать участие в жизни этого Интернет-ресурса. Участвую во многих поэтических конкурсах, проводимых различными литературными сообществами и электронными СМИ. Таким образом, я постепенно увеличиваю свою читательскую аудиторию.

— Русскоязычная поэзия сейчас переживает не лучшие свои времена. Как бы вы оценили ее нынешнюю ситуацию?

— По моему мнению, современная русскоязычная поэзия переживает только видимый спад. В России и за ее пределами живут и творят талантливые русскоязычные поэты. Проблема в том, что творчество этих авторов фактически не финансируется российским государством, а самостоятельно найти спонсоров весьма трудно. Поэтом я особенно благодарен Международной гильдии писателей за выполнение важной работы по продвижению и популяризации творчества современных авторов.

— С каким отношением к поэтам и поэзии в современном обществе приходится сталкиваться чаще всего?

— По моему, общество во многом лишено качественной современной поэзии. Проблема, опять же, — в недостаточном финансировании творчества авторов и сложности поиска спонсоров. Вместе с тем, я абсолютно уверен в том, что поэзию любили, любят и будут любить.

— Вы живете в маленьком городке Балахне. Располагает ли этот город к стихотворчеству?

— Балахна — небольшой старинный город. Я люблю его узкие улочки и тенистые скверы... Конечно, романти-

ческая атмосфера города во многом способствует моему творчеству. В 2004-2010 г. я учился на юридическом факультете ННГУ им. Н. И. Лобачевского в Нижнем Новгороде. С 2010 г. учусь в аспирантуре ННГУ и преподаю на юридическом факультете ННГУ. Обстановка Нижнего Новгорода также способствует моему стихотворчеству. Кроме того, для меня Нижний сам по себе интересен: я изучаю его историю и архитектуру.

— *Какое состояние, обстановка, время года, суток, место, может быть, одежда, нужны вам для создания особой творческой атмосферы, и нужны ли?*

— Обычно я пишу стихи, находясь в состоянии душевного подъема. Время года, суток и одежда на мой стихотворческий процесс не влияют.

— *Бывает ли, что вы говорите себе: «Сейчас напишу стихотворение, которое взволнует многие души...», то есть, ставите задачу. Как у вас это обычно происходит?*

— Поэзия далека от программных установок. Я пишу стихи, когда испытываю вдохновение, когда возникает потребность писать. Дальше — техника: стараюсь делать каждое стихотворение качественным. Иногда работаю над одним стихотворением по несколько недель, а то и месяцев. Мне важно донести до читателя его суть. И если мое стихотворение понравится людям — это прекрасно, значит мой труд не пропал даром.

— *Вадим, мы знаем вас как поэта. Ваши поэтические произведения представлены и в «Антологии русской народной поэзии XXI века», и в поэтических сборниках «Здравствуй, муза!» и «Наших строк многоцветье», в альманахах «Русский Stil-2010» и «Созвучье муз-2011». Кроме того, вы еще и автор книги стихов «Мой внутренний мир». А где можно познакомиться с вашими*

публицистическими работами? Какие темы вы в них поднимаете?

— Мои публицистические и научные работы опубликованы в журналах: «Вестник Нижегородского государственного Университета им. Н. И. Лобачевского», «Вестник Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний», «Юридическая наука, образование и практика: актуальные проблемы», а также в сборниках, изданных по итогам некоторых научных конференций. Мои публицистические и научные работы посвящены проблемам борьбы с национализмом, антисемитизмом и ксенофобией в России XIX — начала XX вв., а также изучению творчества К. Маркса и Ф. Ницше.

Беседовала Л. Баумгартен

Стихи Вадима Егорова

Маятник времени

Маятник времени ветром качается,
Светит часами большая луна,
Я наблюдаю холодное марево
Непостижимо-далекого сна.

Маятник времени тянется в оторопь,
Не завершая вращения надежд,
Я не надеюсь на вечную проголодь,
Я собираюсь в великую беж.

Маятник времени кажется вычурным,
Кажется, якорь не ищет любви,
Но не горюйте, под пламенным выцветом
Можем сегодня сгореть я и вы.

Маятник времени тянет презрение
Силой холодной, ненастной тоски,
Но, посмотрите, под толщей сомнения
Нежно цветут молодые цветы!

Ветер вьется за старую сопку,
Голос мой утопает вдали —
Я кричу: «Мирозданье промокло
От большой, нерадивой любви!»

Ветер тянет янтарную осень,
Я шагаю в сиреневый сад,
Надо мною летит одиноко
Краснокожий, печальный закат.

И я знаю, что скоро начнется
Увяданье безликой ночи,
И зачахнет погасшее солнце
В поднебесной всезвездной печи.

Но пока я шагаю упорно
В лихокрылый, сиреневый сад,
Предо мною танцует бальбоа
Обнаженная дымка левад.

Вижу я лихие ночи
В многответрии дорог
И застенчивые очи,
Что любить, увы, не смог.

Вижу я сырые травы
В лихоцветии огней
И бесправные дубравы
В нежном омуте теней.

И душа моя рыдает
От безудержной тоски,
В тиховерии спадают
Мысли-светомаяки.

И любовь моя случайна
В лихоцветии огней,
И застенчивая тайна
Не заботится о ней.

ЛЕГКО ЛИ СНИМАТЬ ПРАВДИВОЕ КИНО?

В России Год учителя-2010 отмечался с размахом, который виделся тем, кто вне системы народного образования, в основном, наглядной агитацией. На оживленных городских улицах появились щиты со слащавыми картинками и приторными подписями к ним: «Спасибо вам, учителя!», «Учительница первая моя», «Сердце, отданное детям». Тщательно «отфотошопленные» улыбки детей и учителей напоминали карманные агитки неохристианских сект.

Параллельно установке лучезарных плакатов, Первый канал РФ начал показ сериала Валерии Гай Германики «Школа». Он длился с января до июня 2010 года и продемонстрировал точку зрения на современную школу, вызывая альтернативную рекламной. С первых же дней показа вокруг сериала «Школа» раздалось скандирование оценок: «Ложь!» либо «Пошлость!».

У медиков есть понятие провокативной терапии: умелым раздражением организма (психики) пациента вызывается бурная реакция, помогающая справиться с основной проблемой. «Школа» была сродни провокативной терапии. Как иначе объяснить, что одновременно, в январе 2010 года, учителям был предложен проект «Профессионального кодекса учителя»? Министр образования и науки РФ А. Фурсенко объяснил: он нужен, дабы не допустить в школы непрофессионалов, не соответствующих высокому званию Российского учителя. Минобрнауки одобрило проект.

Принятие Кодекса — задача политическая. А искусство стоит особняком. Лишь только я «всмотрелась» в сериал «Школа» и поняла идейно-художественный замысел режиссера и сценаристов, как во мне возник

полемический задор: оспорить антихудожественность, антиэстетичность «Школы».

В прессе и в Интернете сериал был подвергнут так называемой прогрессивной общественностью «самому острому кизму» — за низкий уровень художественности и за якобы искажение реального положения вещей. Хотя министры образования и культуры, а также Патриарх Кирилл (хоть формально Церковь от государства отделена), были за освещение проблем юного поколения, в том числе и «школьных».

Понятие художественности растяжимо — кому-то дорога «Джоконда», а кому-то — ковер с лебедями. Вряд ли намного художественнее «Школы» были советские фильмы для детей 70-80-х годов прошлого века о школе. В должном возрасте я пересмотрела их уйму, ибо центральное телевидение и кинопрокат не предлагали выбора, но теперь вспоминаю не по названиям, не по актерам, а по нравоучительным схемам. Вот в класс пришла новая девочка и личным примером перевоспитала двух мальчишек-бедокуров. Чудовищно неестественные дети играли скучных старичков, таких правильных и чистеньких, что диву даешься — откуда у этих роботов вообще проблемы? А из задачи советского детского кино — нести идеологические установки.

Это касалось и детского приключенческого кинематографа — хоть трилогии о «Неуловимых мстителях», хоть о «Кортике». Помните финал «Бронзовой птицы», где пионеры зомбируют юных зрителей — «Мы должны учиться... дружить... бороться с фашизмом... противостоять врагам...»? Или финал «Хоттабыча», где джинн дает юношеству завет хорошо учиться

и трудиться на благо родины? Не то, чтобы заповеди плохи — но без «завета» фильм для детей не мог быть сделан и показан. Снять «просто» развлекательный фильм для детей режиссерам было невозможно. Еще Крупская критиковала Чуковский за аполитичность его героев и за «бытовой» уровень забот, которые их волновали. Поэтому юных персонажей помещали в идеальные условия, и они демонстрировали роль маленьких борцов в революции, в установлении советской власти, в социалистическом строительстве. Даже сказки и фантастика содержали немалую долю политграмоты — что «Королевство кривых зеркал», что «Отроки во Вселенной»... Знаменитый киножурнал «Ералаш» местами был гениальным. Но как раз высокая художественная планка его новелл делала их оторванными от подлинной школы, изящно сконструированными из мифов об «идеальной» школе и «идеальных» школьниках.

Теперь мы наблюдаем последствия острой социально-политической ориентировки в искусстве, адресованном детям. Российский детский кинематограф приказал долго жить. Фильмов для детей просто нет. Хорошо, хоть мультфильмы есть... Но однажды, уловив в «Смешариках» прямую аллюзию к самой знаменитой сцене «Неуловимых» — четыре всадника на фоне алой зари, — я задумалась, хорошо ли это? Боюсь, что детский кинематограф умер, так как умерла ранее правящая идеология. Пока нет новой доходчивой «политической платформы», нет и детского кино. Привыкли снимать кино с подтекстом, ибо безыдейное развлекалово — метод не наш.

А ведь в идеале кинематограф должен быть разнородным: легкие

увлекательные ленты наряду с лентами проблемными, серьезными, честными.

Честность в изображении школы отечественным кино уходила на задний план. Почти традицией стало замалчивать все «неудобные» проявления реальности — от подростковых межполовых отношений до сложностей вхождения личности в коллектив. Поэтому советские фильмы, посвященные на проблемы, я ценю на вес золота: «Доживем до понедельника» С. Ростцкого (1968 год), «Розыгрыш» В. Меньшова (1976 год) и великое «Чучело» Р. Быкова (1983 год). Да еще «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен» Э. Климова (1964 год), где само название указывает на двуличие воспитательной системы.

В них были верно расставлены акценты: противостояние коллектива и единицы, противостояние класса и учителя. Почти революция в искусстве, ведь советский кинематограф активно отмежевывался от проблем личности. На телеэкранах, в газетах и в рекомендованных к прочтению учениками книгах царили только коллективистские идеалы. Искусство выполняло указания партии и правительства. Но... насколько благотворное влияние оно оказывало на молодежь?

Как священно дерзнули В. Железников и Р. Быков вывернуть идеологические рамки наизнанку и показать пародию на уродство социального строя, где «рулит» демократический централизм! Ведь повесть «Чучело» построена на конфликте коллективной морали (класс стоит за общую ложь!) — христианской готовности Лены Бессольцевой «положить живот свой за други своя» — и полном равнодушии целого круга взрослых к тому, как «детки играют». Но потому-то «Чучело» и было уникальным.

Однако что повесть эта, что фильм, имели грандиозный недостаток: уж слишком художественны и красивы. Сюжет повести пронзителен, однако... надуман, неубедителен. Дети, травящие свою одноклассницу, слишком «идейные» и неправдоподобно грамотные для школьников из провинции. В Тарусе, месте действия «Чучела», слова «гражданская казнь» и ее «ритуал» знала только горстка интеллигентов, реабилитированных из

лагерей при условии жить не ближе 101 км от Москвы — таких, как Н. Мандельштам и Н. Заболоцкий. И все они уехали из Тарусы в разные годы. Наверно думать, что дети из Тарусы могли поступить с «предателем», как царское правительство с петрашевцами. Месть коллектива «отступнице» выразилась бы вовсе неэстетично.

Тем не менее, Р. Быков, экранизируя «Чучело», не придал ему достоверности. Она идет вразрез с художественностью, а режиссер хотел красиво изобразить беспощадные подростковые войны. Вот и обогатил ткань фильма зрелищными дополнениями — и сильно с ними перемудрил. Главные действующие лица — шестой класс, но ключевые фигуры конфликта уже взрослые, а массовка усиленно тщится вести себя по-детски, и выходит фальшь.

Наступила перестройка, и на экраны хлынули прямолинейные фильмы о детстве, отрочестве, школьной юности: «Дорогая Елена Сергеевна» Э. Рязанова (1988 год), «Плюмбум, или опасная игра» В. Абдрашитова (1986 год), «Маленькая Вера» В. Пичула (1988 год). Тут уже кинодраматурги и режиссеры взяли талантливый реванш за годы молчания и вынужденной благопристойности. А первый фильм с репутацией скандального — «Легко ли быть молодым» режиссера Ю. Подниекса (1987 год)? Подниекс посмел показать юное поколение «совков» лишеным покровов приличий и гражданственности, полным наивных мечтаний, томимым проблемами и ошибками. Герои Подниекса не думали о высоких идеалах и не мечтали трудиться на благо родины, их целями были легкий секс, умение пользоваться противозачаточными средствами, посиделки с портвейном.

9 ноября 1987 года в газете «Правда» маститые, тогда насквозь советские писатели Ю. Бондарев, В. Белов, В. Распутин буквально высекли Ю. Подниекса за такое изображение «нашей молодежи».

Спорная «Школа», уступающая тем фильмам по художественным достоинствам, идет по их стопам в зашкаливающем градусе правды о современной школе. Она — роковое соотношение зеркала и физиономии. Гай Германика использует прямо противоположный «эзопову языку» путь, идет от стопроцентно прозаической достоверности (в которую «тычет носом» зритель) к гротескной художественности авторского видения. Это не отсутствие эстетики — это другая эстетика. Она не насаждает истин, а пародирует реальные обстоятельства. Если бы нынешние учителя походили на Илью Ильича Мельникова, а ученики — на персонажей культового «Доживем до понедельника», получилась бы у Гай Германики такая злая и убедительная пародия? Нет, конечно! Ведь С. Ростцкий снял правдивый фильм без элементов пародии.

В 1999–2003 годах был снят первый отечественный сериал о школе — «Простые истины». Аннотация к фильму гордо гласит: «Ситуации, в которые попадают герои, знакомы каждому подростку, а проблемы, которые герои пытаются решить, волнуют всех». Участвовали в сериале и сильные артисты: директора школы играл Б. Невзоров. Но шума он не наделал, никто его особо не смотрел и не спорил. Вот характерный отзыв с форума, где обсуждались «Простые истины»: «Господи, ужас, а не сериал! Ужасно скучный и неправдоподобный». А вот относительно «Школы» страсти кипят. Хотя, чего уж бояться после «Легко ли быть молодым»? То, что о современной школе не получилось иного подробного фильма, кроме «Школы», свидетельствует не только об опасном «кризе» киноискусства — но и о кризисе школы. Какие сами, такие и сани.

Так легко ли снимать правдивое кино? Снимать — легко. Проводить его в мир, оправдывать перед неприятелями всех мастей — трудно: преодолеваешь сопротивление. Отпор понятен. Ведь всегда трудно признавать себя не красавцем и не умницей...

Елена Сафронова, член МГП

МАЛЕНЬКАЯ ХОЗЯЙКА БОЛЬШОГО ФЕСТИВАЛЯ (Германия-Швейцария-Австрия)

Девичья фамилия моей собеседницы — Цветкова. Сегодня она живет в Германии, занимается издательской деятельностью, является организатором самого престижного литературного фестиваля в Германии. В жизни Лады Баумгартен (это ее фамилия по мужу) было немало мистических совпадений. Последнее, пожалуй, самое знаковое — фамилии супругов образуют единое целое: цветы, сад, цветочный оазис. И, действительно, сегодня жизнь девочки из многодетной семьи напоминает цветочный фейерверк — любимая работа, фестивали, поездки по миру, успешный муж, прекрасный сын. А еще единомышленники. Её авторы, поэты, писатели, публицисты, для которых ежегодная встреча на фестивале — большое счастливое событие. Именно с этими людьми уже целые сутки не расставалась моя собеседница. В городе Тутлингене проходил очередной международный фестиваль литературы и искусства «Русский Stil-2010».

— Наверное, ваше детство было безоблачным, — начала я свой разговор с Ладой, хрупкой белокурой женщиной невысокого роста. Мне казалось, что люди, сохранившие такой внутренний свет в глазах, должны быть непременно счастливыми с самого рождения.

— Наверное, так и было, — она повернулась ко мне, мимолетно окинув

взглядом людей в салоне автобуса. Нас ожидало долгое интересное путешествие по Германии, Швейцарии, Австрии, организованное для участников фестиваля Ладой и ее мужем Штеффеном, — Вернее, так было, но только до пожара. Мы жили в Рыбинске, мама, папа, я и четыре моих брата. Когда мне исполнилось 8 лет, в нашем доме вспыхнул пожар. Меня спас брат. На этом счастливое детство закончилось. Мы стали погорельцами. Один за другим из жизни ушли дед, мой брат, папа. Для меня словно погасили солнце...

Она замолчала, наблюдая за тем, как пролетают за окном автобуса миниатюрные яркие, словно пряничные, домики и по-немецки точно выверенные и засаженные однотонными цветами участки.

— Но со временем я стала оживать, оттаивать. Начала писать стихи. Пробовала танцевать, играла на гитаре, занималась в театральной студии. Наверное, это и определило мой выбор. Я выбрала профессию культурного организатора. Какое-то время мне казалось — все, это то, что нужно, и это незыблемо. Но потом стали закрываться дворцы и я вынуждена была искать «хлебную» работу. Ездил «челноком» в Москву, сильно подорвала здоровье. Устроилась менеджером в книжный магазин. Потом — с компаньонами — открыли свой, затем появилась сеть магазинов, в основ-

ном, научно-публицистического направления. Стали выпускать газету «Купи-продай». Благодаря ей я и познакомилась со Штеффеном.

В этот момент автобус плавно затормозил возле шлагбаума. Только спустя несколько часов, после того как гости фестиваля прогулялись под теплым дождиком по острову цветов Майнау, который граф Леннарт Бернадотт (сын Марии Романовой и шведского принца Вильгельма) когда-то превратил в сказочный оазис цветов, мы продолжили нашу беседу.

— Все время я искала что-то новое. Вот и организовала клуб «Сваха». Так как девочки мои компьютером не владели, то переписку вела я. Была и Таней, и Машей, и Леной. Только от своего имени не писала.

— Забавно, — мягко перебила я Ладой, — а ведь перед поездкой я специально нашла в словаре значение имени Лада. «Лада» в Древней Руси — богиня любви и красоты, что-то вроде греческой Афродиты. Молодые девушки, влюбленные юноши — словом, все, кто страстно желал обрести счастье в личной жизни, обращали к любвеобильной Ладе свои молитвы. То есть, вы, соединяя судьбы людей, подсознательно «отыгрывали» значение имени?

— Только подсознательно. Помогала другим. А судьба все равно меня нашла. Штеффен случайно забрел на

сайт и написал мне письмо. Уже тогда он работал в сфере, связанной с альтернативной энергией. Через какое-то время сообщил, что направляется в Уфу по делам компании, по дороге заедет в гости. На встречу пришел с роскошным букетом. Через год поженились. Ему так понравились русские города, что он захотел остаться в России. Но после поездки в одну из деревень, это романтическое желание пропало. Уехали в Дрезден. Там тоже было сложно. Языковой вакуум, другая культура, менталитет. Искала работу через биржу труда. Были вакансии поломойки и дворника, но восторга они у меня не вызывали. Тогда Штеффен помог мне создать собственное предприятие по консалтингу. А потом — обширные контакты с творческими людьми, общение, встречи, которые и вылились в первый фестиваль, который прошел в Дрездене. Было очень романтично:

мы жили на корабле, спали на двухъярусных кроватях. А мероприятия проходили в японском дворце. Каждый год приносит что-то новое. Все больше участников, больше номинаций, шире аудитория. Германия, Россия, Польша, Белоруссия, Украина, Америка, Марокко, Бельгия, Финляндия, Колумбия, Дания, Израиль, Австрия, Казахстан, Канада — неполный список стран, жители которых принимали участие в фестивале. Появилась «Добродея» — Альянс русскоязычных женщин, издательство.

— *А про себя-то, про себя! — те-ребила я Ладу, — Про счастье, дом, семью... Про любовь, наконец!*

— Так это все связано! Штеффен вместе со мной занимается фестивалем, я — голова, он — его сердце. Друзей у меня теперь — полмира, и это не предел! Многие со мной, можно сказать, «живут» — на страницах наших книг. У меня взрослый сын —

замечательный парень, собака, дом... Фестивали, новые встречи... По-моему, только так и может выглядеть счастье.

В последний день фестиваля — на мотив когда-то популярной песни «Лада» — мы исполнили музыкальное признание нашей Ладе. Нашу импровизацию тотчас весело подхватило трио «Embracesband». Лада плакала. Потом смеялась. И снова плакала, когда провожала нас. Мы опять расстались. На целый год. До следующего праздника-фейерверка, на который нас будет с нетерпением ждать эта Маленькая Хозяйка Большого Фестиваля.

*Наталья Крупина, член МГП.
Призер фестивалей
«Русский Stil-2008, -2009»,
член жюри сезона 2010*

ПОЭТИЧЕСКИЙ САЛОН

Свои стихи представляет лауреат фестиваля-конкурса «Русский Stil-2008, -2010»,
член МГП, Елена Супранова.

* * *

Когда мечта за поворотом,
Когда унынье — не в расчет,
Когда еще не связан сроком,
И жизнь так медленно течет...
Как мир велик, и много света
В семнадцать, двадцать...
 в сорок восемь!..
Полон короб. Конец лета.
Спина согнулась. Вот и осень.
День-за-день, тук да тук...
Бегом, бегом... Бе-гом.
Душно... Сбро-шен гал-стук...
Ша-гом, ша-гом. Бом, бом...
Бом.

Такси

Машину развернуло, занесло.
Лед. Крошево из-под колес.
Снег облепил стекло.
Насыпало снежка всерьез.

Заплетены следы пургой.
Был за рулем я королем,
Оборотила зимушка слугой.
Снег не отменишь и рублем.

В мороз ладоням горячо,
Лопатой снег едва отгреб.
Эх, друга б верное плечо —
Машину враз через сугроб!

Зеленый огонек горит.
Да, не удастся отдохнуть...
Фокстрот по радио звучит.
Я продолжаю долгий путь.

Заплетены следы пургой.
Был за рулем я королем,
Оборотила зимушка слугой.
Снег не отменишь и рублем.

* * *

Ах, как лето быстротечно,
Ах, как лето быстротечно.
Взмах и взлет. Взмах и взлет.
Не набравший сил навечно...
Не набравший сил, навечно
Отстает. Отстает.

Журавлиный клин сомкнется.
Птичий клин опять сомкнется.
Маета. Маета.

Только в сердце остается,
Болью в сердце отзовется
Пустота. Пустота.

Ночью звезды так манящи,
Зазывающе манящи.
Ночь зовет. И ведет.
Журавлиный клин летящий,
По волнам мечты скользкий,
Все вперед и вперед.

Ах, как лето быстротечно,
Ах, как лето быстротечно.
Взмах и взлет. Взмах и взлет.
Не набравший сил навечно...
Не набравший сил, навечно
Отстает. Отстает.

* * *

Такое не должно было случиться.
Ты счастья моего разбитого частица,
Частица сердца и души осколок.
Был путь к тебе неправдоподобно долог.

Неправдоподобно долог сон, в котором
Кино с тобой прокручено с повтором,
Прокручено с повтором каждой ночью.
В начале и в конце лишь многоточье.

Лишь многоточье наших отношений,
Бескомпромиссность слов и чувств крушение.
Крушение надежд, конец желаньям,
Стремление к тебе сквозь бездну ожиданья.

* * *

Власть испытать в себе весну,
Переболеть капель и вот:
Крик, разорвавший тишину, —
Птиц поднебесный хоровод.

Переболеть капель и вот:
С соседних снеговых вершин
Поток воды, водоворот
С обрыва вниз рекой спешит.

С соседних снеговых вершин
Сойдут снега обыкновенно,
Исход лавины оглушит —
И тишина проникновенна.

Сойдут снега обыкновенно,
Как годы, сотни лет назад.
А птицы ждут отдохновенья,
Все медленнее надо мной кружат.

ВЕЛИКАЯ СИЛА НАЦИОНАЛИЗМА

У нас в гостях лауреат фестиваля-конкурса «Русский Stil-2009», писатель, публицист, Илья Криштул.

Еще никогда евреи не подвергались такой дискриминации, как 16 декабря в квартире Димы Головкова. Надо сразу сказать, что в этот день Дима праздновал свое 50-летие, а сам он корнями уходил туда, откуда... В общем, был он еврей и черта его оседлости, уже с утра проведенная тещей, белела где-то в дальнем углу комнаты, на расстоянии двух вытянутых рук от столов с запасами спиртного и закусками. Там, в этом углу, стоял колченогий стул, на котором Дима и сидел, печально наблюдая за происходящим. Вначале, конечно, он пытался возражать, на что теща вскользь, но сурово заметила, что у них здесь не иудейская Пасха и, если Диме что-то не нравится, он может сложить свои вещи на этот дурацкий стул и идти к своему посольству, где его с удовольствием примут. Дима обиженно замолчал. Минуты через три он не выдержал и сказал, правда, какую-то фразу про антисемитизм, за что теща до минимума уменьшила сферу его интересов. А гости уже собирались. Они шумно заходили, шумно отдавали пакеты с подарками Диминой жене, шутили, смеялись и еще более шумно рассаживались. Дима безучастно смотрел на все это, в его глазах плескалась боль всего Ближнего Востока, а губы беззвучно шевелились. Теща, заметив это, сказала, что Дима за всю жизнь не прочел ни одной строчки из Торы, что еврейских молитв он не знает, что с исторической родиной его связывает лишь исполнение в пьяном виде «Хавы Нагилы», да эти вечно печальные глаза, и праздник начался. Диме выдали немного салата и жестко прервали его попытку прорваться к столам. В подавлении бунта активное участие принял Димин друг, Андрианов, специально приглашенный в качестве казака-антисемита и имеющий большой опыт погромов в квартирах друзей-евреев. Вконец обидевшийся Дима затих в своем местечке, осознав, что это и есть маленькое еврейское счастье, а гости, наоборот, развеселились. После тостов за тещу и жену пришло время песен. Исполняли в основном произведения разудалых русских композиторов Фельцмана, Френкеля и Фрадкина, казачий цикл Розенбаума и «Русское поле» из репертуара Кобзона. Иногда в этот ряд врывались песни, которые давно стали национальным достоянием России — «Сулико», «Четыре татарина» и «Хаз-Булат удалой». Вот во время исполнения последней и произошло то, чего так опасалась теща. Одно из гостей, Савельева, так разжалобила фраза «Бедна сакля твоя...», что он расплакался и незаметно катнул Диме бутылку «Русской» водки. Женщины в это время находились на кухне, поэтому Дима подарок принял с благодарностью и залпом...

Когда через несколько минут теща зашла в комнату, ее взору предстала страшная картина. Дима с пустой бутылкой водки стоял на столе и пел «Хаву Нагилу». Вокруг плясали что-то, похожее на кадрили, гости, иногда подсказывая Диме слова и напоминая мелодию. Теща попыталась пресечь эту наглую жидомасонскую выходку, но... Но ее увлек вихрь танца и спустя мгновение, заложив пальцы за несуществующую жилетку, она лихо дергала ножками.

Измученные шумом соседи вызвали милицию часа через три. Зайдя в квартиру, милиция долго не могла понять, куда она попала. В большой комнате громко, на непонятном языке спорили мужчины в шляпах. «На иврите говорят», — сказал лейтенант Чернышов, знавший татарский. Еще один мужчина — это был Андрианов — вырезал из газет шестиконечные звезды и обклеивал ими стены. Откуда-то доносился голос тещи — она обзванивала еврейские общины США и Канады, а из кухни лилась печальная песня на том же языке в исполнении женщин. На вопрос о документах, заданный главным милиционером, никто не ответил, лишь проходящая мимо с подносом закусок чернявенькая девушка улыбнулась и сказала: «Шолом!». «Это она поздоровалась», — перевёл лейтенант Чернышов и зачем-то добавил: «Татарский и иврит очень похожи». Выяснив, что в квартире по-русски, и то с большим трудом, говорит только Дима, милиционеры удалились, забрав его с собой. Пропажу именинника никто не заметил и праздник покатился дальше. Теща обзвонила все континенты и, сидя у окошка, ждала переводы с материальной помощью по еврейской линии, Андрианов обклеил звездами квартиру и перешел на лестничную клетку, гости, узнав, кто именно пресек безобразный геноцид по отношению к Диме, избрали Савельева главным раввином и просили его заняться уже строительством синагоги. А у подъезда, сжимая розы, стоял лейтенант Чернышов — чернявенькая девушка вместе с подносом зашла в его сердце...

Время летело. Во дворе Диминого дома строилась синагога, «Мосфильм» снимал кино под названием «Список Савельева», теща занималась финансовыми вопросами мирового сионизма, причем сионизм беднел, а теща богатели, Андрианов обклеил звездами все близлежащие дома и деревья, лейтенант Чернышов... А лейтенант Чернышов, влюбившийся, как оказалось, в жену Димы, убрал его в тюрьму, уволился из милиции и работал на Андрианова, вырезая для него газетные звезды. По субботам, разумеется, он только молился, с ужасом вспоминая свою прошлую, несемитскую жизнь.

Дима вернулся через 5 лет. Встретили его, как Мессию — все, кроме бывшего лейтенанта Чернышова, — зажгли старинные семисвечники ручной работы, купленные тещей на

распродаже в «Икее», показали синагогу, фильм «Список Савельева», шестиконечные звезды на деревьях, детей, родившихся от него в его отсутствие, и дали самоучитель иврита. Диме многое не понравилось — не понравился бывший лейтенант Чернышов, постоянно глазающий на чужую жену, не понравились архитектура синагоги, концепция фильма, сложный язык, свет от семисвечников и непонятные скуластые дети. Он уставал от лиц еврейской национальности, окружавших его, тосковал по славянам, которых полюбил в тюрьме, не понимал, о чем плачет в своих речах Савельев и почему его надо называть «ребе», кто запретил пить пиво по субботам и что в его квартире делает огромное количество ортодоксальных иудеев из Израиля, если раньше заходили только русские атеисты с водкой и подружками. Не изменилась лишь теща — она по-прежнему боролась с Диминим алкоголизмом, хотя им, алкоголизу и Диме, на двоих исполнялось уже 100 лет...

Еще никогда русские не подвергались такой дискриминации, как 16 декабря в квартире Димы Головкова. Сам Дима с утра сидел в углу комнаты на колченогом стуле, на расстоянии двух вытянутых рук от столика со спиртным и за-

кусой. Вначале, конечно, он пытался возражать, на что теща вскользь, но сурово заметила, что у них здесь не православная Пасха и, если Диме что-то не нравится, он может отписать ей свою долю жилплощади и уже-таки идти в пивную, где его с удовольствием примут. Дима обиженно замолчал. Минуты через три он не выдержал и сказал, правда, какую-то фразу про антирусские настроения, за что теща до минимума уменьшила сферу его интересов, объяснив, что с русской нацией Диму связывает лишь исполнение в пьяном виде «Калинки-малинки», да эти вечно похмельные глаза. А гости уже собирались. Они тихо заходили, со слезами отдавали открытки с видами Иерусалима Диминой жене и, повеселев, рассаживались. После тоста пришло время песен. Исполняли в основном произведения печальных еврейских композиторов Дунаевского, Шаинского и Богословского, еврейский цикл Утесова, и, разумеется, «Хаву Нагилу». Иногда в этот ряд врывались песни, которые давно стали общенациональными — «Сулико», «Четыре татарина» и «Хаз-Булат удалой». Вот во время исполнения последней и разжалобился ребе Савельев, расплакался и незаметно плеснул Диме 15 грамм кошерной водки...

ВРЕМЯ МИФОВ

На днях сел за компьютер и чувствую, что экран низковато расположен, неудобно. Чем задумываться о покупке другого стола, решил от проблемы избавиться немедленно: взял с книжной полки тома, что потолще, сложил стопкой, да и поставил на них экран. Хотел уже нырнуть в интернет, но невольно опустил глаза на корешки использованных столь непочтительно томов и в смущении замер: «Неужели это и есть печальное завершение стародавней истории?!...»

А история такова.

В конце 70-х, среди любителей чтения прошел слух: готовится уникальное подписное издание «Мифы народов мира» в двух томах, иллюстрированное произведениями искусства всех времен и континентов. Издание, уникальное не только для русскоязычного читателя, вполне дотягивает до мирового уровня. Откроешь — оторваться не сможешь: ощущение такое, что сам Прометей вместе с огнем украл у богов их автобиографии, аккуратно разложил их по алфавиту и создал первоисточник. А потом группа ученых, маневрируя между антирелигиозными табу, стряхнула с древних страниц пепел сталинский эпо-

хи и подарила нам волшебную, поэтическую, научную, это уж как вам будет угодно — книгу. Захочешь узнать что-либо о деяниях библейских героев или о верховном божестве народа Йоруба — загляни под обложку. Микеланджеловский Давид непреклонным взором подтвердит величие своих деяний; африканский персонаж улыбнется бронзовой улыбкой в ответ на твоё греховное любопытство. Загадочность, древнее солнце, полуразрушенные города, джунгли... 8 рублей 50 копеек за каждый том.

Магазин «Подписные издания» серой дореволюционной лепниной подпирает небосвод. Жрецы этого храма были вежливы и, в отсутствие жертвоприношений, каменно-холодны. Чудеса предварительной подписки начинались с волшебного «симсим» советской торговли. Кто им владеет, тот подпишется. Кто — нет, тот — нет. Мой папа, «дотягивающий» только до сфер «московской летней копченой», помочь мне не мог, потому добиться в магазине ответа о дне подписки было невозможно. «Через месяц», «через три недели», «уже была два дня назад». Моему отчаянию не было предела. На наивный вопрос:

«Кому досталась подписка?», — все знакомые многозначительно ухмылялись и поднимали глаза к небу: «Богам!».

С богами не поспоришь. Но в те давние времена я встречал людей, которых считал богоподобными, а их обладание заветным изданием — вполне законным. В двух словах — о них.

В первую очередь — скульпторы Наум и Брунгильда Эпельбаумы. Я был вхож в их дом в качестве ученика. Меня приводили в восхищение и высокая светлая мастерская, и скульптуры на стеллажах, и крепкий чай и, конечно, книги.

В один прекрасный день, Наум небрежно кивнул в сторону полки: «Вот, купил с рук». Сердце мое затрепетало: «А еще одного экземпляра нет?» — «Экземпляр есть, но цена — за оба тома...» — «Сколько?» — «Обычная: 180 рублей. Мне уступили по дружбе, за 150».

Да, на Олимпе — вполне олимпийские цены. Наум даже не стал меня утешать и рассуждать о будущих послеинститутских заработках. Спасибо ему за деликатность.

Стоит упомянуть и о другом человеке, по праву листавшем мифические страницы. Борис Бернштейн, преподаватель истории искусств Таллинского художественного института. Бернштейн учился в Ленинградском университете у самого Николая Пунина — второго мужа Анны Ахматовой. Пунина убили в лагере, а Борис Моисеевич, от греха подальше, перебрался в Эстонию, где в почете проживал послевоенные и последующие годы. И в каком почете! Студенты Бернштейна боготворили, записывали на магнитофон его лекции. Люди, увлекающиеся искусством, посещали этот Театр одного актера — Бернштейн пускал на лекции всех желающих.

С кем, как не с ним обсудить «больную» тему уникального издания. Борис Моисеевич высоко оценил его научные достоинства и, между прочим, заметил, что неделю назад, в Таллине, была подписка на дополнительный тираж. Он, естественно, подписался. После такого удара мне пора было понять, что книга дается в руки достойным или богатым. Но нет, я продолжал упорствовать в гордыне... и поплатился за это жестоко.

Сразу после бернштейновской лекции, где обсуждалась тема «Мифов», ко мне подошла девица, одна из многих внеинститутских слушательниц. Ее блуждающий взгляд выражал глубочайшую степень любви к искусству, любви до слез. Я обычно сторонился истеричек, но ее слова вернули надежду: «Вы интересуетесь этой книгой? Могу достать. Дешево. Всего за 80 рублей. Только поторопитесь».

И я поторопился. 20 рублей у меня было, за остальными бросился к своему другу Рафаэлю Даниельянку. Рафик получал повышенную стипендию и, как семейный человек, солидную дотацию от родителей. На мою просьбу он ехидно, имитируя обычно отсутствующий у него армянский акцент, изрек:

«Я тэбэ адын умный вэць скажу, только ты нэ абыжайся. Твой книга стоит в институтский библиотэк».

«Хочу иметь свою, понимаешь? Личную!» — гордо ответил я. На Кавказе уважают сильные чувства — и я получил деньги.

Догадливый читатель уже понял, что произошло дальше. Деньги исчезли. Вместе с девицей. На лекции она больше не приходила. Правда, нашлись общие знакомые. И начались мои хождения по адресу, где девица снимала комнату. Квартирная хозяйка дальше порога меня не пускала. Я оставлял записки, соглашался получить деньги не в четверг, а в субботу; если не в следующую пятницу, то через неделю, и т. д. Увы, это был глас вопиющего в пустыне. Я перешел к тактике выслеживания: перестал ходить на утренние занятия, являясь под заветное темное окно. Все напрасно. Только мокрый снег, снежинками размером с лошадиный зуб, встречал меня, да бодрящий балтийский ветер... Моя Пенелопа предпочитала не ночевать дома. Наверное, изучала с подругой статью из второго тома, о самой себе. Месяц пролетел незаметно. Рафик ходил удрученный. Его можно было понять: «Деньги — мусор, новые нарисуем». Печально дружить с дурачком.

От переживаний я терял последние килограммы живого веса. Пегас вдохновения перестал посещать меня. Я плюхнулся в болото угроз. Милицейский мотив стал преобладать в моих посланиях. Хотя прямых свидетелей нашей сделки не было, запугивания подействовали. Еще через полтора месяца, начальница отдела кадров института, несколько удивленная новой для себя функцией, передала мне... конечно, не книги, но деньги, полу-ченые от некой женщины.

С тех пор я перестал вести с кем-либо разговоры об этом издании, в библиотеках обходил стороной полку с энциклопедиями, а если где-то и наткнулся на знакомый переплет, то вздрагивал от испуга.

Как и положено мифам, их сначала боятся, а затем, постепенно забывают. Но что забывается внизу, не забывается наверху.

1998 год. В Монреальском книжном магазине я узнал эти книги сразу, как только вошел в магазин: «Мифы народов мира» в двух томах. Новое издание дружески приветствует меня. Только протянуть руку... Неужели я получил право на обладание!? Боги, подайте знак! Кажется, потолок не

обрушился... Эх, где наша не пропадала! Беру.

И взял. И ходил счастливый дней пять. Но заглядывал под обложку все реже и реже. Интернетная эпоха запорошила забвением книжную полку. Леню переверачивать страницы, леню читать подробности, лишь бы покорооче. Вот, дожил и до пошлой символики: подставка под всепобеждающий компьютер. Конец мифам, обыденщина...

Печально размышляя о бренности наших жизней и страстей, я вышел из дома, сел в автомобиль и выехал со стоянки в сторону торгового центра: печаль печалью, а питаться надо. Заодно и скучные счета могу в банке оплатить. Оплатил. Проверил итог расходов по кредитной карте... Что такое? Явный перерасход! Служащая выдала распечатку всех операций: кто-то заплатил 200\$ моей кредиткой за свое вчерашнее посещение... отнюдь не книжного магазина! Женщина рутинно мне объяснила, что «в эпоху микрочипов и интернета скопировать коды и быстро передать другому — пара пустяков. Прямо эпидемия... С домашнего телефона блокируйте немедленно кредитку».

В панике я помчался домой. Куда-то пропало настроение скуки и элегической печали. «Ну, троянские воры, будет вам новая война!». Жизнь явно продолжается... Мокрый снег, снежинками размером с лошадиный зуб, бился о лобовое стекло, да бодрящий канадский ветер...

М-да... Я не знаю, появится ли новый Гомер и опишет ли бури настоящего. Пока что мы благополучно обходимся без него, освоив такие формы устного творчества, как сплетни и анекдот. Потом настанет очередь легенд, а там уже и до эпоса рукой подать. Поэтому стоит заблаговременно удостовериться в прочности саркофага, куда все наши деяния улягутся через пару сотен лет. Выпуск третьего, наверное, уже суперэлектронного тома, не за горами.

Мифы — наше светлое будущее!

Леонид Ватник, член МГП

ДЕТСКАЯ КНИГА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Весной этого года МГП провела научно-практическую конференцию «Детская книга в современном мире», которая ставила своей целью предложить читателям профессиональный взгляд на роль и место современной детской литературы 21-го века, а также представить некоторые интересные практические наработки детских писателей. Теперь, когда конференция окончена, можно уверенно заявить, что конференция удалась, а представленные доклады были серьезны, актуальны и поднимали важные проблемы воспитания: ответственность детского писателя перед теми, кто его читает, влияние слова на характер и судьбу человека. Авторы поделились своими наработками и опытом работы с детьми, порой уникальным. Мы выражаем благодарность всем участникам конференции и предлагаем вниманию читателей некоторые ее материалы.

Свой взгляд на современную детскую литературу раскрывает член Союза писателей и Союза журналистов России, член МГП, Владимир Корнилов.

Детские художественные произведения — открытый мир

Детская литература 21 века действительно вышла далеко за географические пределы тех государств, стран и континентов, где она была создана талантливыми писателями для своих юных, но взыскательных читателей. Благодаря

проводимым ежегодно международным детским литературным фестивалям, книжным ярмаркам, а также экранизации высокохудожественных произведений для юных зрителей и размещения этих произведений на сайтах интернета — дети всего мира узнали о героях многих увлекательных повестей, рассказов и сказок. Иллюстрациями этому могут служить: герой замечательных приключений, мальчик Гарри Поттер, из одноименного многотомного романа писательницы Джоанн Роулинг «Гарри Поттер», герои сибирского писателя Геннадия Михасенко в незабываемом каскаде приключений, описываемых им в сказке «Земленыр» и в повести «Класс дурацких фамилий». Сюда же можно отнести и бесчисленное множество других, не менее популярных в детской среде произведений, созданных литераторами разных стран.

Это, действительно, огромный «открытый» и неопишущий мир, который духовно обогатит каждого ребенка, который однажды «с головой» погрузится в него.

Как видим из приведенных иллюстративных примеров — детская литература 21 века (можно с уверенностью сказать) стала отражать наднациональное искусство. Такая литература объединяет детей многих стран и континентов, — несмотря на их расовую принадлежность и вероисповедание, — помогает лучше узнать друг о друге, познакомиться с уникальными географическими и социальными условиями жизни полюболюбившихся им героев популярных произведений.

Проблемы современной детской литературы

В нынешнее непростое время, когда наркомания, преступность и проституция захлестнули своей всепоглощающей волной детей, подростков и другие возрастные категории людей всякого современного общества, а «желтая» пресса неустанно растлеивает их со своих глянцево-обложечных реклам голотелых светских и эстрадных львиц, — и к тому же, с экранов телевидения и кино денно и ночью демонстрируют фильмы ужасов и насилия над человеческой личностью, — то очень остро стоит перед обществом и современной детской литературой проблема: как сохранить нравственно чистой и духовно богатой душу ребенка от порочного влияния вышеназванных средств массовой информации, включая сюда и оголтело навязываемую порнографическую и эротическую литературу, такую, как безнравственно-пошлый роман Эдуарда Лимонова «Это я, Эдичка».

Поэтому, перед детскими писателями всего мира стоит ответственная задача — найти те собирательные позитивные черты у современных подростков, которые, воплотившись в образах главных героев их произведений, позволили

бы направить кипучую, неумную детскую энергию в нужное нравственное русло.

Другой, не менее важной проблемой для детских писателей, является их художественный литературный язык, который должен учитывать все психологические и интеллектуальные возможности детей.

Слово и словообразование

В Библии сказано, — когда Бог создавал людей, то СЛОВО было первоосновой. СЛОВО было Бог.

Благодаря слову у человечества зародилась членораздельная речь — люди научились общаться друг с другом, хранить свои исторические корни и национальную культуру в виде народного эпоса, присягать клятвой на верность своему Отечеству и просто «держат слово», как поручительство за принятые обязательства... Ярким примером тому может служить рассказ писателя Алексея Пантелеева «Честное слово», где его герой — маленький мальчик, играя со старшими ребятами в войну, «дал слово» охранять вверенный ему пост — якобы, склад боеприпасов — и не покинул его даже тогда, когда застали его уже плотные вечерние сумерки и очень хотелось есть. Мальчик ушел с поста лишь с разрешения военного, которого нашел писатель, узнав об этой истории.

Вот и в автобиографической повести писателя Геннадия Михасенко «Кандаурские мальчишки», ребята пообещали взрослым помогать во время летних каникул на сельхозработах. И они сдержали слово. Подростки пололи сорняки на колхозных полях, окучивали картофель, пилили дрова, копали силосные ямы под закладку на зиму корма для животных, косили сено и выполняли многие другие необходимые поручения в эту горячую пору... Думается, и в дальнейшем, поступая так со «СЛОВОМ-ОБЕЩАНИЕМ», эти ребята своим волевым характером будут позитивно влиять и на свою судьбу — и вырастут достойными людьми для своего гражданского общества.

Именно слово, как инструмент, которым воздействует писатель на читателей, обладает огромной созидательной и разрушительной силой: ибо словом можно убить человека или вылечить его израненную, отчаявшуюся душу, вселив в нее — одним лишь словом — забрезжившую вдали надежду.

Что касается различных словообразований, то можно отметить следующее — людям интеллектуальным и просто любящим богатый народный язык, насыщенный яркими эпитетами, метафорами, диалектными словами, часто коробят слух своим неблагозвучием ненормируемая лексика, неоправданный «блатной» сленг и такие словосочетания, как: «Мне все фиолетово», «Оттянись со вкусом мериндой», «Где будем сегодня колбаситься», «Пошли оттопырится» — и множество других, подобных словесных несуррици. Я думаю, такая речь, как раковая опухоль, негативно влияет на человека, делает его присутствие в интеллектуальном обществе униженным и мало востребованным, — а это все скажется в дальнейшем и на формировании его характера, в котором всегда будет чувствоваться ущербность из-за постоянного подражания новым веяниям суррогаткультуры и неумелого, неправильного использования богатых языковых возможностей.

Мой мир детства

Мой мир детства — это самый светлый и безоблачный мир, влившийся в меня с рождения с молоком матери и озвученный ее нежными колыбельными песнями.

Это мир бабушкиных сказок и моих детских фантазий...

Это неопишуемый словами мир окружающей меня в детстве деревенской природы, влекущий к себе светлыми, солнечными озерами, ягодными душистыми полянами, неохватными взглядом лесами, наполненными живыми таинственными существами, о которых с неподдельным ужасом рассказывала мне бабушка, предостерегая, чтобы я, выйдя за пределы своего двора, не пытался отлучиться с ребятами дальше околицы...

Мой мир детства — это и своего рода испытание на прочность еще не окрепшего детского характера, когда, преодолевая страх и сгорая от любопытства, хочется проникнуть в эти загадочные таинственные места, населенные кишачими там чудовищами.

Мой мир детства — это, в первую очередь, духовный мир, открывшийся с первых мной прочитанных книг, подаривших мне волшебные сказки Александра Пушкина и незабываемые приключения «Тома Сойера» писателя Марка Твена...

Мир детства — это ежедневное усвоение родного народного языка и формирование интеллекта, благодаря знаниям, полученным в школе...

Мой мир детства — это и непередаваемое чувство бескорыстного мальчишеского братства, сроднившего нас на долгие годы дружкой...

Моя творческая лаборатория: как создать рассказ, сказку, поэму

Моя творческая лаборатория опирается прежде всего на мой интеллектуальный опыт, приобретенный в школе и дополненный позже учебой в Литературном институте им. А. М. Горького.

Немаловажной составляющей здесь являются и воспоминания о неожиданных жизненных ситуациях, которые случались со мной в разные годы; долгие наблюдения за бытовыми приметами или социальными явлениями, поразившими меня своей необычностью.

Сюда же можно отнести и услышанные мной во время частых поездок на городском транспорте людские истории, которые до глубины души взволновали меня однажды своей, не по-человечески горестной, судьбой и саднящей занозой остались в памяти.

Помимо классического образования, полученного в вузе, моя творческая лаборатория постоянно пополняется новыми знаниями за счет самообразования.

Этот накопленный мной богатый практический опыт я использую в своей творческой лаборатории, передавая его одаренным детям из Детского литературного клуба «Братские роднички», пытающимся выразить свой внутренний мир художественным словом в своих произведениях.

Для занятий с литературно одаренными детьми я разработал авторскую программу, включающую в себя теоретическую часть, связанную не только с «азами» поэзии и расширением исторического и духовного кругозора ребят, но и практическую часть, в задачу которой входит становление

и формирование художественного литературного языка, закрепление теоретического курса, обретение в дальнейшем собственного поэтического голоса, минуя пору ученичества и подражания более сильным кумирам отечественной поэзии.

На первых занятиях мы с ребятами выработали свой устав и придумали название клубу. Из многих предложенных мной названий, единодушно выбрали «Братские роднички»: ибо родники питают и исцеляют не только саму Природу, но и человеческие души, особенно детские, — высветляют их изнутри, помогают им на родной отеческой земле сохранить в дальнейшем свое национальное самосознание и достоинство.

Поэтому во время практических занятий с ребятами, занимающимися литературным творчеством, я учу их прежде всего чувствовать самородное слово, которое порой находится не на самой поверхности каждодневной обиходной речи, а скрыто в глубинах народного эпоса, доставшегося нам от сородичей давних времён или слышится иногда в речи людей старшего поколения, которые еще сохранили, хотя и не в полной мере, народный язык, расцвеченный пословицами, поговорками, преданиями древней старины.

Именно поэтому и уделяется мной особое внимание на практических занятиях с ребятами «Устному народному творчеству», «Литературным памятникам Древней Руси», а также знакомству с лучшими образцами отечественной словесности, поднявшейся до высот мировой культуры. Это всё вырабатывает в детях хороший читательский вкус к художественной литературе, формирует у них не только художественный язык, но и непреходящие в веках нравственные понятия: совести, чести, долга перед своим Отечеством, учит анализировать происходящие вокруг них исторические события и давать им свою оценку — и это все идет из глубины нашей могучей, политой кровью, истории и ее самобытной культуры.

...Подолгу я наблюдаю и за подрастающим на наших глазах поколением, за их цветистым детским языком. Это все пополняет мой литературный опыт, рождает во мне новые фантазии, которые выливаются в сказки или детские рассказы.

Мир ребенка удивительно красочен и разнообразен. И чтобы создать подобный мир в своих произведениях, писатели должны не только обладать богатой словесной палитрой, но и уметь наблюдать за языком своих маленьких современников, героев их будущих произведений.

Приведу пример из своего литературного опыта. Однажды, гуляя с 6-летней внучкой по лесной лужайке, я рассказывал Юленьке о названиях увиденных ею цветов, порхающих с цветка на цветок бабочек... И вдруг она вскрикнула: «Деда! Деда! Смотри — вон божья коровка лежит кувырком!» Я рассмеялся такому словосочетанию и переспросил: «Божья коровка бежит кувырком?»

«Нет! Смотри же сам — лежит кувырком!». В другой раз, увидев в зоопарке осла, скучно жующего жвачку и отгоняющего от себя надоедливых мух, она воскликнула: «Смотри, смотри, деда! Как смешно осел махает х в о с т о м !»

Этот своеобразный, по отношению к употребляемым нормам ударения, язык ребенка и новые, придуманные им словосочетания, делают его речь яркой и запоминающейся.

Если писатель сумеет подметить такое, оброненное ребенком вслух, необычное слово или неожиданное подобное словесное выражение и умело распорядится ими в своем творчестве, то, я уверен, он обретет среди юных своих почитателей единомышленников. Именно эти мотивы и побудили меня написать стихи для моей славной внучки и для ребят младшего школьного возраста.

Божья коровка

Божья коровка лежит кувырком
В красненькой блузке — сама босиком.
В черную крапинку спинка у ней.
С ней я дружу уже несколько дней.
...Летом у речки, где донник цветет,
Там она в домике светлом живет.
Утром проснется, пройдет по лучу,
Словно артистка — и я хохочу!..
Крылышки выпустит — вдаль улетит.
С ней разлучаясь, мой взгляд загрузит...
К вечеру снова вернется она,
Сядет мне на руку — в дружбе верна.
Трогает пальцы, щекочет ладонь.
Блузка на солнце горит, как огонь.
...Мир этот хрупок — мы помнить должны —
Божьи коровки нам очень нужны!
Каждая в целом — одно из чудес.
Мир красоты без нее бы исчез.
С виду малютка, но, может быть, в ней —
Суть равновесья вселенной моей?
...Летом у речки, где донник пьянит
Запахом меда. И утро звенит
Солнцем в прохладной зернистой росе —
Я поклоняюсь ей — божьей красе.

Стихи про осла

С ослом дружила б я всегда,
 Но он ленив — и в том беда!
 К тому ж махает х в о с т о м,
 Хоть им махать не просто.
 И у хитрющего осла
 Причин для лени — несть числа!
 То шевелит ушами он.
 То вдруг ему приснится сон,
 Что он — трехногий инвалид
 И у него нога болит...
 А то совсем наоборот —
 Он скачет задом наперед.
 ...Осел, хоть и веселый он, —
 Но все ж трудолюбивей слон.

Авторы, идущие в детскую литературу, должны также учитывать все особенности читательского возраста. В противном случае у них получатся книги, лишенные адреса, которые не нужны ни ребенку, ни взрослому.

Язык детской литературы требует от писателей не только простоты, ясности и подлинного мастерства, умеющего осветить мир ребенка, затронуть тонкие струны его доверчивой души, но и должен быть гармоничен с его возрастом и интеллектом.

Кроме прочего, — книги для детей должны быть наполнены неповторимым каскадом приключений и фантазий, сюжеты которых бы цепко держали в своем плену воображение ребенка, вплоть до самого окончания произведения.

Если же это стихи для детей, — то язык их должен быть образным, благозвучным и очень музыкальным для восприятия, словно подслушанным сердцем поэта в разноголосице их повседневной жизни.

...Никогда еще дети не нуждались так остро в обогащении своего языка, как в наши дни, когда бездуховность и наркомания захлестнули буквально все сферы жизнедеятельности современного общества, наложив свой отпечаток и на детские души. Поэтому именно сейчас они нуждаются в прекрасной детской литературе, написанной талантливым языком.

Вот и моя творческая лаборатория, которую я не только практически использую для передачи опыта литературно одаренным детям, — позволила мне написать для юных читателей серию рассказов, сказок и поэм. Сюда можно отнести рассказы: «Колька Жмых», «Солнце на плече у кедра», «Масленица», «Семечки»; сказки: «Новые приключения Колобка», «Злоключения Мышки»; поэму «Вдова» и другие произведения.

Что ищут юные читатели и юные читательницы в книгах?

На формирование личности ребенка и его духовно-нравственной основы во все времена, в том числе и в наше сумбурное время, влияли и будут влиять многие факторы и средства массовой информации, а также социально-экономическое и политическое состояние данного общества, то есть, та среда обитания, внутри которой формируется общественное сознание.

И все же с самого юного возраста никакими другими источниками информации, — названными ранее, — не заменить того огромного влияния на формирование нравственного интеллекта у ребенка, который дает ему талантливая научно-популярная или художественная книга.

Пытаясь подражать своим кумирам — героям высокохудожественных произведений, дети прежде всего ищут в книгах ту нравственную опору, которая будет определять в дальнейшем их поведение и формировать у них волевые черты характера, — что очень важно для любого гражданского общества.

Писатель в интернете

Всемирная сеть интернета — это огромное, ни с чем не сравнимое, достижение гениальной человеческой мысли второй половины XX века. Благодаря интернету не только в более короткие сроки ученые всего мира обмениваются новыми современными технологиями и ведутся дипломатические переписки между дружественными государствами, — но и предоставляется людям уникальная возможность общения, не взирая на разделяющие их порой межконтинентальные расстояния.

Если говорить о востребованности интернета писателями, то нельзя не отметить прежде всего такие важные его функции:

Интернет для любого современного писателя — это многорукий помощник и грамотный корректор, которые значительно облегчают ему работу над рукописями будущих произведений, так как ненужно после правки отдельных глав или эпизодов заново все переписывать, а стоит лишь подчистить эти исправления на компьютере.

Кроме того, сеть интернета ускоряет процесс доставки произведений автора (по сравнению с почтовыми отправлениями) до того или иного издательства или необходимого адреса.

Благодаря этому коммуникабельному средству общения, теперь писатели могут не только участвовать в заочных международных литературных фестивалях и конкурсах, но и обмениваться творческим опытом со своими коллегами-соотечественниками и авторами, живущими за рубежом.

Писатель, выходя в интернет, может быть услышанным теперь не малочисленной аудиторией литературных поклонников, как прежде, из-за небольших книжных тиражей, а многомиллионными читателями, волнуя и радуя их своим самородным словом, воплощенным в талантливые произведения.

Во все времена, связанные с появлением художественной литературы, на писателей была возложена высокая миссия. Особенно сегодня, когда уникальные возможности интернета позволяют писателю напрямую обращаться к многомиллионной аудитории с пропагандой в своих произведениях как позитивных, гуманистических идей, так и несущих с собой разрушительную энергию насилия и жестокости, — влияя тем самым позитивно или негативно на еще неокрепшие психологию и нравственные устои подростка...

Само же слово писателя должно быть возвращено непременно на высоких моральных и духовных принципах, которые смогут повлиять на судьбы многих людей, зачастую ищущих нравственную опору в книгах. Поэтому перед каждым автором, размещающим свои произведения на сайтах интернета, стоит огромная юридическая и моральная ответственность за слово, которое он несет в массы.

О ДЕТСКИХ ФАНТАЗИЯХ, СТРАХАХ И ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Продолжает тему о детях и литературе **педагог-психолог, Татьяна Афанасьева.**

Сначала некоторые сведения из общей психологии

Фантазия, или воображение (это синонимы), является высшим познавательным процессом. В структуре познавательной деятельности человека она занимает особое место. Благодаря фантазии человек способен мысленно преодолевать расстояние, переноситься в далекое прошлое и будущее.

Как же возникают образы фантазии? С помощью ощущений, восприятия, мышления человек узнает о свойствах и связях вещей, явлений и процессов, закрепляя все это в памяти в виде образов, мыслей. Именно образы представления, удерживаемые памятью, являются тем строительным материалом, из которого формируются новые образы — образы воображения. Если память возобновляет образы в максимальном приближении к эталону, то фантазия, воображение, преобразует их, отражая реальную действительность в новых, неожиданных, непривычных сочетаниях и связях.

Ни одно живое существо, кроме человека, не обладает фантазией — это исключительно человеческое свойство. При этом фантазия — важное условие развития личности. Она необходима для свободного выявления творческих возможностей человека, особенно в детстве. Фантазия выступает как одно из условий создания картины мира, усвоения общественного опыта. В то же время, образы фантазии питают детские страхи

Страх принадлежит к категории фундаментальных эмоций человека. Эмоция страха возникает в ответ на действие угрожающего стимула.

Страх — аффективно заостренное восприятие угрозы для жизни, самочувствия и благополучия человека.

Несмотря на свою отрицательную окраску, страх выполняет разнообразные функции в психической жизни человека. Как реакция на угрозу страх позволяет избегать встречи с ней, играя защитную роль в системе психической саморегуляции. Страх — своеобразное средство познания окружающей действительности, ведущее к более избирательному и более критичному отношению к ней. Таким образом, он выполняет определенную социализирующую или обучающую роль в процессе формирования личности. Представления об образующих страх источниках опасности являются известным коммуникативным или жизненным опытом.

Человек не мог бы выжить, пренебрегая страхом темноты, огня и пожара, стихии — всего того, что было развито у

первобытных людей, одухотворяющих многие неизвестные и опасные для них явления природы.

Возникновение детских страхов естественно и закономерно, они проявляются в определенной последовательности. В первый год у детей вызывают страх громкие звуки, новые люди и новые предметы. К трем годам дети начинают бояться темноты и самых разных животных, к пяти годам эти страхи уменьшаются, но появляются новые, связанные с различными фантастическими персонажами, от которых может исходить опасность.

Вот здесь и обнаруживается чрезвычайная важность роли детской литературы как источника образов фантазии и детских страхов.

В современной литературе для детей большое место занимают книжки с короткими текстами и изобилием картинок, подчас сомнительного качества. В книгах часто отсутствуют описание природы, характеристика интерьера или городского пейзажа, словесные портреты персонажей. Авторы, к сожалению, руководствуются представлением о том, что дети при чтении часто пропускают эти страницы, отдавая предпочтение диалогам и действиям, или, говоря современным языком, «экшену». Между тем, такие книги дают мало пищи воображению, обедняют эмоциональное развитие личности — фантазии не могут развернуть яркие и красочные картины. И так, пищи для развития личности мало, а вот для детских страхов — сколько угодно!

Разумеется, во все времена дети замирали, когда им читали какой-нибудь «страшный» эпизод в сказке. Неудивительно, что приключения героев современных «страшных» книжек вызывают у них похожую реакцию. Повод для беспокойства возникает тогда, когда страхи, вызванные скелетами, роботами, пиратами, космическими пришельцами, о которых читают детям (или они читают сами), мешают детям жить.

Приведу пример из психологической практики

За психолого-педагогической помощью обратилась мама мальчика старшего дошкольного возраста. По телефону женщина сообщила, что наблюдает проблемное поведение у своего шестилетнего сына Никиты. Проблема осложнялась психосоматическими особенностями мальчика. Он страдал бронхиальной астмой. Из-за этого он не мог посещать дошкольное образовательное учреждение и воспитывался дома матерью. Мама была обеспокоена большим количеством страхов у ребенка, практически не отпускавшего ее от себя. При этом общение со сверстниками у Никиты не складывалось. Он часто бывал агрессивен, эмоционально возбужден. Непоседливый и несосредоточенный, он очень быстро стал «нежелательным» в группе Дома детского творчества, где посещал занятия.

Занимаясь дома с ребенком, мама обратила внимание на то, что основное содержание его рисунков — черепа, скелеты, покойники и мумии. Сюжеты с участием этих персонажей повторялись и в ходе индивидуальной психолого-педагогической работы с Никитой. Было очевидно, что они практически полностью заняли воображение мальчика: снились ему, пугали его. Особенно угрожающими были рассказы о мумии.

При попытках выяснить происхождение страхов мама предположила, что связаны они с тем, что незадолго до их появления она купила сыну энциклопедию о строении тела человека. Никите очень нравилось рассматривать ее, даже на прием к психологу он приносил эту книгу. Принимая во внимание, что страхи, вызванные черепами, скелетами, покойниками, свойственны большинству детей шестилетнего возраста, можно было успокоиться и не форсировать коррекцию этих страхов, сосредоточившись на снижении эмоциональной напряженности. Но страх мумии?!

Мама рассказала, что мумия запомнилась мальчику во время посещения естественно-научного музея. После этой экскурсии они с Никитой читали детскую энциклопедию о Древнем Египте. Это многое объясняло в происхождении страхов и фантазий, но вызывали сомнения агрессивные действия мумий, о которых постоянно рассказывал Никита, комментируя свои рисунки и сновидения. Все встало на свои места, когда мама вспомнила, что следуя интересу мальчика, купила комиксы про мумию, восставшую из гробницы. Эта мумия преследовала путешественников, ученых-египтологов, расхитителей гробниц и проч., и проч. По этим комиксам ребенок учился чтению, но содержание их дома не обсуждалось, постепенно обрастая в фантазиях впечатлительного мальчика все новыми и новыми зловещными подробностями. В результате потребовалась

помощь психолога в борьбе со страхом, в борьбе за адаптацию ребенка в реальном мире.

Несомненно, родитель, заботящийся о психическом здоровье ребенка, постарается уберечь его от псевдолитературных историй, описывающих потоки крови, трупы, сцены насилия и восстания из могил. Однако и безобидного, на «взрослый» взгляд, комикса может быть достаточно, чтобы в фантазии ребенка возникли «ужастики», замещающие гуманные и добрые образы, которые всегда отличали русскую литературу для детей.

Заблуждаются те взрослые (и пишущие для детей, и читающие детям, выбирающие для них книги), которые считают, что привыкнув к литературным ужасам, дети быстрее изживут свои иррациональные страхи. Напротив, под влиянием некачественной литературы страхи могут стать постоянными, у детей могут возникнуть неврозы.

При большем, чем в норме, количестве страхов и их невротическом характере возникает состояние психического напряжения, скованности. Поведение становится пассивным, атрофируется любопытство, любознательность. Ребенок избегает любого риска, связанного с вхождением в новую, неизвестную своими последствиями ситуацию. Вместо непосредственности и открытости развивается настороженность и аффективная замкнутость, отгороженность, уход в себя и свои проблемы.

Так же, как привычные кощеи, водяные, людоеды, современные «страшилки» нуждаются в совместном обсуждении взрослых и детей. При этом чрезвычайно важно обратить внимание на склонность ребенка к фантазированию, замещающему познание реального мира, на содержание фантазий, так как патологическое фантазирование может быть признаком серьезного психического заболевания. Помочь в таких случаях может только специалист.

МЕЧТА

Граф Алексей Николаевич все мечтал, чтобы его в княжеское достоинство возвели. Откуда знаю про то? Ну, знаю, а откуда, да что, да почему — это уж мое дело. Знаю и знаю.

Ну вот, возмечтал, значит, граф Алексей Николаевич, про княжество.

Как с одной стороны посмотреть — ну, с чего бы? Вроде и славой, и почетом народным не обойденный: и тебе в Союзе Писателей генерал, и тебе академик, и ордена, опять же, и премии Сталинские. А вот захотелось князем стать — и точка.

Ну, а с другой стороны — чего ж там: прав человек! Графом — оно быть, конечно, хорошо, а князем — ну, князем-то, не в пример, лучше. И не сравнить даже! То граф, а то — князь.

Тут опять, конечно, спросить можно — ну, что за мечта-ния за такие? В стране социализма, можно сказать, и вдруг — кого-то в князья возводят! Да и как возводить-то? Ведь это ж Указ Президиума должен быть! Верховного Совета Указ! А иначе как же: верховный-то орган на кривой не объедешь! И как же такой вот указ издашь, когда всех князей и прочую белую шушеру, извините, под корень извели! Ан нет, — возмечтал Алексей Николаевич, и возмечтал. А настоящую мечту из души человеческой так вот просто не вытеребишь.

Долго, говорят, терпел, а в конце все же не выдержал и пошел — дело как раз перед самой войной было — к товарищу Сталину. Он, мол, все может. Такая вот вера была тогда у людей — не то, что теперь: ни в Бога, ни в черта!

Да, так вот, приходит Алексей Николаевич к товарищу Сталину, — ну, сперва в приемной, честь по чести, товарищу Поскребышеву докладывает: мол, пришел к Иосифу Виссарионовичу по важному делу. А по какому — не говорит. Да и то правда: чего говорить! Чего нужно, он Хозяину — товарищу Сталину, то есть, — и скажет.

А у товарища Сталина — и так дел невпроворот: и к войне готовиться надо, чтобы, значит, все границы на замке, и врагов, еще недобитых, добивать, — а тут человек с такой вот просьбой.

Но — принял его товарищ Сталин, да и любезно так принял, и стул ему предложил: садитесь, мол, пожалуйста, Алексей Николаевич. И чай с лимоном подать велел: как никак, а граф, пусть и советский, а все же!

А как Алексей Николаевич сел, так ему товарищ Сталин и говорит: «Вот видите, Алексей Николаевич, и вас мы посадили». А сам в усы улыбается.

Душа был человек, чего бы там про него после не говорили! Душа! Строгий, конечно, — ну, а как же с народом-то

иначе? Без строгости никак нельзя! Но — душевный! Одно слово — Хозяин!

Ну, так вот они поговорили немного, Иосиф Виссарионович Алексея Николаевича о житье-бытье расспросил, что пишете, мол, сейчас — а сам Алексею Николаевичу чай подливает и говорит: «А вы, Алексей Николаевич, сахар кладите, а то, смотрю, жалеете, а у меня этого сахара много. И лимон тоже не забывайте...». Да-а, душа был человек!

А Алексей Николаевич и говорит: «Спасибо, мол, вам, Иосиф Виссарионович, за заботу, и за то, как вы про мои замыслы интересуетесь». И так вот Иосифу Виссарионовичу откровенно все и рассказал, что замысел у него такой есть: про Ивана, про Грозного написать.

А товарищ Сталин и спрашивает: «Это в каком же смысле?». А Алексей Николаевич и отвечает: «Хочу правду рассказать и всю клевету, что, мол, народу много поубивали — всю эту клевету по ветру развеять. В смысле, что и убивать никого не убивали, а ликвидировали. Но исключительно врагов. То есть, которые умышляют — ну, или там, умышлять собираются. А то как же? Держава она и есть держава!».

А Иосифу Виссарионовичу это, видать, понравилось, потому что он так вот, с хитрецей, на Алексея Николаевича посмотрел, и говорит: «А правильно про вас говорят, Алексей Николаевич, — граф-то вы граф, да нашенский! Советского образца граф! Не то, что эти недобитки, которые по Парижам сидят и злобствуют! Вы — граф, советской властью перевоспитанный! И мы, Алексей Николаевич, вас ценим. И как вы нас против врагов-троцкистов поддержали — мы это помним».

Сказал он это, а Алексей Николаевич, понятно, обрадовался, что Иосиф Виссарионович такое хорошее мнение о нем имеет.

А все же — рад-то он, конечно, рад, да ведь не за тем пришел, чтоб ему — ну, даже и товарищ Сталин — все про графа, да про графа и говорил.

Но Алексей Николаевич — человек политичный, тонкий — понимает: так вот, просто, быка за рога тут не возьмешь. Улыбается он на слова товарища Сталина, спасибо, говорит, что вы меня, товарищ Сталин, так цените.

Ну, улыбается-то он улыбается, а Иосифа Виссарионовича все равно не проведешь, он людей насквозь видел. Заметил он-таки, что у Алексея Николаевича грустинка какая-то в лице, и говорит ему: «Алексей Николаевич, что же это вы так — вроде, грустите? Или показалось мне?».

А Алексей Николаевич ему и отвечает: «Иосиф Виссарионович, не то, чтобы грущу я, — жизнь-то вокруг радости

полна, чего мне грустить, а вот, все же просьбу к вам имею личную». Ну, и говорит, с чем пришел.

А товарищ Сталин его слушает. А под конец говорит: «Просьбу вашу, Алексей Николаевич, понял. Дело это не простое, надо с товарищами посоветоваться, но с моей стороны возражений не будет. Вот только сейчас, сами понимаете, война на носу. А как мы с ней, с войной, то есть, покончим, так вам эту любезность, о которой вы просите, и окажем».

А под конец пошутил: «Был, мол, у нас граф советский, теперь советский князь будет. Только, — говорит, — пока — никому ни слова: этак все в князья захотят!». На том и порешили.

Алексей Николаевич не шел домой — летел. На радостях и пир закатил на весь писательский мир. Но из-за чего тот пир — никому, конечно, ни слова. Ну, никто и не спрашивал. А чего там спрашивать: угощают тебя по-царски, а ты с вопросами лезть будешь, как, мол, да почему.

А потом война случилась, и Иосиф Виссарионович был очень занятый. Но — вот ведь, душа человек! — про Алексея Николаевича не забыл, а при встречах так ему тихонько и говорит: «Что, граф, не терпится князем стать, а? Ничего, потерпи, разделаемся вот с немцами, и будет тебе титул княжеский. Оформим честь по чести. И Калинин Михаил

Иванович не только что возражать не будет, а на радостях, что его жену-старуху из лагеря выпустили, и на светлейшего согласится».

А Алексей Николаевич знал, что слово у товарища Сталина — крепче камня. И ждал.

Ну, а потом, незадолго до конца войны, и помер, царствие ему небесное. Два с половиной месяца всего до Победы не дожил. А жив бы был — точно бы князя ему дали. Потому как слово товарища Сталина — крепкое. Крепче камня слово у товарища Сталина.

Ну, а в сорок шестом, Алексею Николаевичу премию дали, Сталинскую. Посмертно! Никому посмертно не давали. А ему — дали! Потому как товарищ Сталин Алексею Николаевичу цену знал. И так про это говорил: «Нам, мол, Гоголи и Щедрины, конечно, нужны. Но Толстые Алексей Николаевичи — много нужнее».

Так вот и досталась графу Алексею Николаевичу слава посмертная. А что не сбылась его мечта, не довелось ему в князьях походить — ну, судьба, значит, ему такая вышла, чтоб графом и помереть.

Моисей Борода, член МГП

ЖИЗНЬ РАСТВОРИЛАСЬ В СТРОКЕ...

Поэт, член МГП, Евгений Вербицкий представляет

Последняя ночь

Поэма

«Равенство дара души и глагола — вот поэт».

Марина Цветаева

Тридцатое августа, год
Военный, в крови сорок первый.
Все чувства навзрыд и вразброд —
Натянуты, сорваны нервы.
Все чувства: избыточный вес —
На длинной ступени терпенья...
Ну что ж, объявляется весть:
Итог твоему песнопенью.

В Елабуге десять часов,
Над Камою — дождь с круговертью,
Последняя ночь и ... засов
Последней калитки в бессмертье.

Бессонница. Грусть и печаль.
На сердце — безвестности сроки...
Засим открывается даль
Невиданной жуткой мороки:
Дойдет ли мой стих до людей,
Потомками будут любимы

Мой глас на виду площадей
И неповторимое имя?
Да, завтра... — уход на заре,
Пораньше, с утра ... (что-то значит)...
Ах, жизнь моя — давящий крест
Нагрузок, и мысль наудачу
Выхватывает из нее
События, даты и лица.
В прошедшее то бытие
Как славно сейчас погрузиться...
Вот девочка я, и пишу
Стихи (шестилетний ребенок).
Как воздухом ими дышу,
(В Трехпрудном твержу их спросонок).
Вот мама: «Нет, это пройдет,
Болезнь — не давать ей бумаги!»
Но ЭТО — и гложет, и жжет,
И — самое высшее благо!
В гимназии, дома, везде —
В Тарусе, в Москве ли, в Париже

Все ЭТО — превыше всех дел,
Да что есть на свете мне ближе?!

И вот, гимназисткой, тайком,
Издать книгу все же решила,
Дебют мой: «Вечерний альбом» —
Моя сокровенная жила:

*«Дети — это взгляды глазок
боязливых,
Ножек шаловливых по паркету стук.
Дети — это солнце в пасмурных
мотивах,
Целый мир гипотез радостных наук.*

*Вечный беспорядок в золоте колечек,
Ласковых словечек шепот в полусне,
Мирные картинки птичек и овец,
Что в уютной детской дремлют
на стене».*

Цветаева, что вы? Ужель —
 Колечки, овечки, словечки?
 Ах, как Маяковский в драже
 Разделал бы все эти «ечки».
 Да, прав он, все ясно вполне,
 Но первая книга — все ж вышла!
 Ее отличили в стране —
 От книжек бездарных и лишних.
 Сам Брюсов о ней говорил,
 Волошин — восторг, изумленье!
 Так в труд — с напряженьем всех жил,
 С отдачей до самозабвенья!
 Тогда вдруг любовь ворвалась,
 Как в зной, духоту — свежий ветер,
 В бескрайнюю даль позвала
 За ним — самым близким на свете.
 Вот муж мой, — как раньше,
 как встарь, —
 Со мной, как и я с ним — повсюду:
 И в книге «Волшебный фонарь»,
 И в снах, что вовек не забуду.
 Вот первенец! — Дочь родилась
 Вослед уходящему лету...
 Мое материнство... но всласть
 Дышала судьбою поэта.
 Писала, трудилась — не для
 Почета и славы — смешно ведь:
 Как учит родная земля,
 Так в бой — беспокойная совесть.
 И вот постепенно крепчал
 Литого стиха звонкий мускул
 И, ритмикой всей рокоча,
 Входила в поэзию русским
 Поэтом. — Всем пафосом, всей
 Основою — песенной хваткой.
 Стихи засверкали в красе
 Цветаевской — сильной и краткой:

*«Красною кистью
 Рябина зажглась.
 Падали листья.
 Я родилась.
 Спорили сотни
 Колоколов.
 День был субботний:
 Иоанн Богослов.
 Мне и доньне
 Хочется грызть
 Жаркой рябины
 Горькую кисть».*

Когда написала? — Давно,
 В шестнадцатом, кажется. Летом,
 В тот год Мандельштам был со мной:

Москву я дарила поэту.
 И Блоку стихи написав,
 К нему подойти не решилась,
 Ведь имя его на устах —
 Молитвою в сердце светилось.
 Ведь все, где причастно перо
 Его, так легко и свободно,
 Всегда излучало добро
 Светло, глубоко, всенародно.
 И Вы, кто руки не подал, —
 Когда написал он «Двенадцать», —
 Салонных кругов господа
 Под маской эстетского глянца.

... Как Время давало прокол —
 Войною, разрухою, бытом, —
 И муж в добровольчество шел,
 А я — о прошедшем, забытом
 Писала поэмы, стихи,
 Все в плаче — над русской Вандеей...
 Но страшны, взаимны грехи
 Во имя неправой идеи...

Вот год двадцать первый: ушел
 Из августа бьющейся жизни
 Певец, чей нетленный глагол
 Звал к совести и к укоризне,
 Блок. Умер. Вселенская тишь
 Настала — ушел небожитель.
 «Пророческий певчий камыш!» —
 Души моей светлый хранитель.
 Вот вижу: в чадающем быту
 Пишу, несмотря ни на что я,
 Чтоб взять еще ту высоту
 В искусстве, что жизни всей стоит.

Поэмы и пьесы во мне
 Все зрели, чтоб вырваться в слове,
 То сказкой о старине,
 То драмой о Казанове.
 А муж затерялся в дыму
 Гражданской войны беспросветной,
 И ... в Чехии вдруг! В путь — к нему!
 Он жив: незабвенный мой, светлый!
 Ах, если бы только не муж —
 Покинула б Родину? Вряд ли...
 Весь мир без России — лишь глушь,
 В России, в глуши даже, праздник.
 И вот, в эмиграции я.
 Сначала печатают сходу,
 Но быстро опомнились: зря,
 Она вся — не НАШЕГО рода,
 Не НАШЕГО склада ума,
 Вся их, целиком вся оттуда...
 Не втиснулась в здешний формат:
 Прокрустов, мещанский, иудин.
 Читатель остался же там
 В России, родной и далекой,
 А здесь — никого, пустота.
 В работу — не быть одинокой,
 Не слышать их сплетен совсем,
 Не видеть застывшие лица...
 В поэзии столько есть тем,
 С кем можно всегда поделиться.

«Не Русь Вы любили — «гуся»
 Помещичьего — и девок».
 И в том — нагота правды вся
 Без всхлипов, стенаний, заповок.
 И как Маяковского Вы
 (В Париже читал) освистали,

А он усмехнулся, — привык
К пигмеям; шагал быстро в дали
Эпохи, белевшей, как день...
Какой же афронт в великане:
Ему по ступню дребедень
И ступа вся Ваша в стакане.
И он лишь орал прямо в Вас —
Мещан залихватских, эстетов.
Он — «первый поэт гулких масс»
И страстный боец среди поэтов!
И я отвернулась от Вас,
Клеймя Ваше бывшее дело,
Как прежде мой муж разорвал
Всю связь с добровольчеством белым.
И даже когда в нищете
Мои не опущены руки,
Я вынесла тяжести те —
Страданья, душевные муки.
И лучше, чем в давнем стихе,
Про Родину-боль не сказала,
Про всю мою жизнь вдалеке,
Про горе — души всей глазами:

*«Тоска по родине! Давно
Разоблачённая мороза!
Мне совершенно всё равно —
Где совершенно одинокой*

*Быть, по каким камням домой
Брести с кошёлкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.*

*Мне всё равно, каких среди
Лиц — оцетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —*

*В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведем без льдины
Где не ужиться (и не тцусь!),
Где унижаться — мне едино.*

*Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично на каком —
Непонимаемой быть встречным!*

*(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!*

*Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —*

*Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.*

*Так край меня не уберёг
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперёк!
Родимого пятна не сыщёт!
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встаёт, особенно — рябина...»*

Могла полюбить, не забыть
Все только прощаньем, разрывом.
Свидетельство? — Жизни всей нить:
Падения, взлеты, порывы.
И знала во все времена:
Писать, стиснув зубы, тоскую.
Мне этим лишь в жизни цена
И этим лишь в жизни живу я...

Звериный фашизма оскал
Увидев в тридцатые годы,
Я сразу включилась в накал
Борьбы с этой жуткой породой:
Волков городских площадей —
С чумою коричневой века,
Чтоб вырвать из лап их идей
Святыни души человека.
Сражались с фашизмом мой муж
И дочь с ним — в Испании вместе;
И «НО ПАСАРАН» потому —
Призывом к борьбе. —

Словно песня

Звучал над планетою клич
К отпору и объединенью,
Чтоб вымести с лона земли
Фашистов паучьи строенья...
На родину б вырваться мне —
Из этого душного мира.
Работать в родимой стране —
Иначе звучать будет лира...

И вот возвращаюсь в Союз —
В последнее место разлуки...

Репрессий ужаснейший груз —
На сердце... душевные муки...
Итог — безысходность тех строк,
Что чертит судьба поневоле:
В тюрьме муж и дочь. —
Так злой рок
Все больше гнетет мою долю...

Мой сын возвратился со мной,
Мой мальчик — в отчизне впервые,
Но знает язык он родной,
Историю, славу России.
Шестнадцать ему, рядом, спит.
Война! Что за время такое ...
Лишь только бы не был убит,
А будет... Я знаю — спокойно
Он встретит ужасную весть
В глаза ... и на полюшке ратном...
Коль выпадет трудная честь:
Ему — быть России солдатом!
Он так осуждает меня,
И жизни моей неустройство.
В нем кожа и плоть — вся моя:
Вдвоем нам ужиться непросто.
Лишь только бы он долго жил,
Чтоб в жизни — на собственном месте,
Вся боль материнской души,
Мое продолжение песни!

И в августе — вот перст судьбы,
Как Блок и Волошин, уйду я,
Лишь только бы не был забыт
Мой стих, вросший в душу живую.
Еще я полгода назад
Писала и знала все точно,
Что скоро погаснет звезда,
Мигнет угасающей точкой:

*«Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный».*

Трудом озаряется цвет
Прошедшего трудного века:
Что ж, жизнь прожила, как поэт,
А значит, умру человеком.
Продумала все. Умирать.
Осталась бы светлою память
По мне. Очень скоро. Пора.
А сын?.. Засыпаю.

Юлия Зисман родилась в России. Работала машинисткой, графиком в частном издательстве, занималась оформлением и иллюстрацией книг. Выпускница Московской академии изобразительных искусств (отделение станковой живописи и графики). Член Союза художников Израиля с 1991 года. Участница персональных и групповых художественных выставок. Многие картины Ю. Зисман находятся в частных коллекциях в разных странах мира.

КАКОЙ БОЛЬШОЙ ВЕТЕР...

Не хочу биографии, не хочу рассказа об инвалидной коляске, не хочу анализа творчества...

Хочу, чтобы шел дождь за окном, пусть по-осеннему угрюмый, но с проблесками солнышка. И чтобы шла по дорожке женщина, ну и пусть завернутая в унылое и грустное пальто, зато с ярким зонтиком и на высоких каблучках. Пусть бы она обернулась, увидела меня в окне, улыбнулась и помахала рукой...

Или чтобы звучал тихий блюз, мы с мужем сидели бы на террасе дома с розовой крышей, и я бы думала, как замечательно, что он поставил с утра блюз. Утренний чай с блюзом — ту-ду-ду-ту-ду-ту-ду — это что-то новенькое, но как же хорошо...

Хочу много красивой негромкой музыки, ярких цветов причудливых форм, каких еще не создала природа — анемонов-неанемонов, подсолнухов-неподсолнухов и волнующей сирени ... «Художник нам изобразил глубокий обморок сирени...». Да это у меня обморок от обворожительной вазы с сиренью, залитой светом, нет — излучающей небесный свет!

Юлия Зисман, сказать вам правду? Вы не художница, вы для меня — волшебница...

А потому и истории с вашими картинами происходят сказочные, вот и со мной произошла. В начале 90-х, кто-то в нашей редакции газеты, в

Израиле, писал: «В Хайфу, с Урала, приехала молодая художница-график». Этот кто-то привез несколько копий работ в редакцию, которые я тут же отсканировала и без конца заглядывала в папку, где они хранились — изящество и пластичность линий приковывало, хотелось рассматривать еще и еще. Потом завела две рамочки с золотой каемочкой и повесила рисунки у себя дома. Сколько было переездов — из города в город, из страны в страну — брала их с собой, аккуратно заворачивала, и на новом месте снова водружала на стенку. Так и приехали они со мной в Оттаву. За долгие годы забыла имя автора, а в уголочках на рисунках было написано только J.Zis.

Пару месяцев назад я получила неожиданное сообщение по электронной почте от женщины малознакомой, из Торонто, с которой мы пересекались чрезвычайно редко, по не относящимся к искусству делам. На этот раз в письме не было ни «здравствуйте», ни «до свидания», в нем сохранился только линк, на который я, конечно, нажала и вдруг увидела... работы моей любимой Zis. Ее нельзя было спутать ни с кем. Правильно, как же я забыла?! Юлия Зисман. Ее послало мне виртуальное пространство через столько лет.

Всему свое время, всему свое время...

Зато теперь можно легко поговорить в нем же, в этом пространстве, — нажатием кнопочки наладив связь «Оттава-Хайфа».

— Юлия, конечно, стиль остался прежним — иначе как бы я узнала, что это вы... Но столько нового для меня: акварели, масло, батик, горячий батик... Все пересмотрела-перелюбовала... Во всем — свет, музыка, ветер и часто — запахи...

— Я очень критично к себе отношусь, но знаю — это есть, знаю, что есть главное — картины трогают души, они — живые, ну, скажем, лучшие из них... Ну, и потом, я думаю, если их покупают, значит, они задевают, приносят радость в дом.

— Есть какие-то для меня очень родные мотивы, ну, скажем, ваша картина «Ностальгия». Вроде бы, чего там — пишущая машинка, старый никому не нужный сегодня предмет. Но я с ним прожила, можно сказать, рука об руку, лет двадцать, а то и больше, и с ним связано полжизни. Действительно, ностальгия...

— Для меня — тоже, ведь до того, как стала художницей, я была машинисткой.

— А вот вам неумный вопрос, потому что знаю, что на него нет отве-

та... Как обычно возникает замысел картины?

— Не знаю... Просто вдруг — какой-то «клик» и жаркое желание именно это нарисовать. Это какие-то полупрозрачные тени-ощущения, которые еще мне самой не ясны, но тянут к себе. Хочется рисовать не конкретные вещи или сюжеты, а настроения... Например, мне хочется сделать серию «Ветры» — это не пейзажи должны быть, а какие-то линии летящие — «летний ветер» или «ветер судьбы», по-разному можно представить...

— Да, я тоже так вижу ваши картины — порыв, ветер, движение, полет! Как у Матвеевой — «Какой большой ветер напал на наш остров...»

— Поэтому мне батики и нравятся. Мне всегда хотелось рисовать что-то воздушное, невесомое... Масло слишком материально, акварели легче, но все-таки там нужно добиваться прозрачности и легкости, а на шелке она получается сама. И вообще, шелк же живой: переливается, сияет. Там почти сплошная импровизация получается: батики всегда с сюрпризом, не знаешь до самого конца, что точно получится...

— Я прочитала на вашем сайте, как работать с горячим батиком, — уф-ф, трудно-то как, столько дополнительной работы...

— Я не чувствую, что это сложно, батик мне легче всего дается.

— А идея со светящимися картинами — она ваша собственная?

— Ну да, она пришла ко мне, когда я пыталась батики на просвет смотреть. Похоже на витражи, но немного иначе смотрится. Давно мечтала делать так, чтобы шелк был освещен изнутри. При подсветке уходит глухая белизна стены, картина оживает, становится объемной и более воздушной. Мой друг — инженер по электронике, нашел применение своим талантам, придумал мне там какие-то проводки, лампочки... Теперь хочу подготовить выставку, где все картины будут светиться. У меня пока всего несколько штук таких, и я их не продаю — жалко.

— А вообще, жалко продавать свои картины?

— Раньше было очень. Теперь я чувствую по-другому — картины должны уходить, чтобы дать место новым, а иначе я застаиваю в старых идеях.

— Видела на вашем сайте картину, написанную... пальцем. Я не специалист и, конечно бы, не догадалась, что за техника... Нерв в ней, безусловно, есть.

— Пальцами лучше энергия передается, нет посредника в виде кисточки, образ нащупывается кончиками пальцев.

— Это хулиганство такое, творческое?

— Нет, художники чем только не рисуют...

— Юля, прочитала отзывы о вашем творчестве и задумалась... Время, наверно, остановилось — все пишут:

«Успехов тебе, моя девочка, светлая девочка, какая тонкая детская душа»... Потом стала прибавлять и умножать годы — что-то не сходится: с 92-го, девятнадцать лет прошло. Еще одно волшебство?

— Картины у меня часто получаются сказочные, такие, по-детски, легкие, поэтому есть ощущение безмятежного счастья без границ.

— Это ощущение детства — оно сидит внутри? Его ничто не меняет? Не влияют трудности жизни? Прожитые годы?

— Нет, конечно, того, что было в 92-м, уже нет, это от меня не зависит. Сейчас — не «детство», а, скорее, ясность, как в солнечную погоду.

Всеmu свое время...

Мария Лакман

STELLA.RU
ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Учредитель:

Международная Гильдия Писателей
<http://schriftstellergilde.org>

Издатель:

© Издательство «stella.ru»
<http://stella.ucoz.de>

Редактор:

Е. Яхненко

Корректор:

А. Сигалов

Дизайн:

© В. Цветков

Ответственный секретарь:

Л. Баумгартен

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Редакция не несет ответственности за достоверность фактов и сведений в авторских материалах.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Редакция оставляет за собой право редактировать присланные текстовые и иллюстративные материалы.

ISBN 978-3-941953-38-3

2011

Verlag «stella.ru»

Deutschland

ISBN-Verlagsnummer 978-3-941953-38-3